

Мирянин

Автор:

Алла Дымовская

Мирянин

Алла Дымовская

Остров Мадейра.

Семеро русских туристов наслаждаются отдыхом в шикарном отеле. Но в этом земном раю зреют семена ада. Уже скоро они расцветут пышными цветами зла, упав на благодатную почву людских страстей, взрощенные рукой дьявольского садовника. И вот богатый урожай не заставил себя ждать: подлости, предательства, убийства... Чья воля направляет события к страшному финалу? Человек или сам Сатана двигает людьми, словно пешками в кровавой игре? Есть ли цель у этой игры, и какая роль отведена роковой красавице, яблоком раздора упавшей в компанию друзей?

«Мирянин» – новый мистический роман-адреналин от мастера психологического триллера Аллы Дымовской.

Алла Дымовская

Мирянин

Весьма ужасен обликом Порок,

Дабы всяк зрящий утрашиться мог;

Но, буде зрим почасту, он не мнится

Уродом страшным – и в друзья годится.

А. Поп. «Опыт о человеке»

Часть первая

БУХИЕ КРЫСЫ

Глава 1

Отель «Савой»

Он шел ко мне со стороны дороги, обегавшей врезанное в скалу одной своей стороной здание приютившей нас гостиницы. Я всегда забывал его длинное, многоступенчатое имя, даже на слух так и кишевшее дефисами и предложениями, помнил только фамилию и официальный титул. Старший инспектор уголовной полиции ди Дуэро. И так или почти так обращался к нему лично. Инспектор ди Дуэро. Но про себя, не вслух, называл его просто и коротко: Фидель – из-за прекрасной, черной, как арабская ночь, окладистой бороды, делавшей его похожим на великого кубинского диктатора.

– Доброго вам утра, Луиш! – издали еще закричал он, словно опасался, как бы я, завидев его, не дал тут же деру.

– Доброго утра и вам, инспектор, – откликнулся я. Причин скрываться и избегать его общества я не имел решительно, а даже совсем наоборот.

Я подождал, пока Фидель подойдет ближе. Семенящей, наигранно поспешной, даже и заискивающей немного походкой. Из рта его, нет, вовсе не торчала, а неаккуратно свешивалась дрянная сигаретка без фильтра, крепчайшего табаку и отвратительная на запах. И это всегда невольно заставляло меня опасаться за состояние его прекрасно ухоженной бороды, хотя где-то на подсознательном

уровне я по-мальчишески ожидал, не вспыхнет ли от случайной искорки это его природное украшение.

Фидель вроде бы неподдельно был мне рад, а может, и на самом деле не играл. Ведь я был единственным на целом острове лояльным российским гражданином, который понимал его неплохой испанский и более скверный английский, к тому же с готовностью сотрудничал и отзывался на его тяжкие инспекторские проблемы. Вот уже целых два с половиной дня отзывался – с тех пор, как бедный Фидель взялся за это страшное дело, правда не добился пока ничего.

– Что слышно нового? – спросил я. И тоже закурил для компании свое собственное «Мальборо».

– Это я вас как раз хотел спросить, – с укоризной и шутливо ответил мне Фидель. – Гуляете перед обедом?

– После обеда. Вы совсем захлопотались, инспектор. Уже три часа пополудни. – Я даже указал ему пальцем на белоснежные электронные часы возле стойки бара, открытого при гостиничном бассейне.

– Жарко сегодня. Может, выпьете со мной холодного пива? – предложил Фидель. Но я видел, что хотелось ему совсем не пива.

Что ж, сотрудничество так сотрудничество. Собственно, именно поэтому я не сплю сию минуту в шезлонге на пляже или на необъятном балконе в номере, а слоняюсь туда-сюда под вьедливым солнцем. Словно предчувствуя его визит. Впрочем, предчувствие тоже было.

– Нового у меня ничего, – сознался я Фиделю.

– У меня тоже, – откликнулся он. – Но я надеюсь в скором времени...

Мы заказали пиво. В «Савое», надо сказать, это было недешево, однако Фидель показал бармену знаком: мол, за его счет. Он уже, видимо, распознал мое положение, хотя я, конечно, сам ему ничего прямо не говорил. А может, так и полагалось, что, имея конкретный интерес, контора угощает, и существовали у полиции для таких случаев некие фонды на непредвиденные расходы. Я был

нужен ему, и, думаю, Фидель полагал, что нужен больше, чем он – мне. Разубедить инспектора я, разумеется, не стал.

– Это первый случай за последние лет пять, наверное, – неожиданно сознался мне Фидель, и я почувствовал, что он говорит правду. – Конечно, у нас приключается порой и похлеще. Но не так и не в таком месте. Тем более с иностранцем.

– Вы уверены, что это именно преднамеренное убийство? – спросил я, больше для порядка. Я и сам знал не хуже инспектора, что сомнений здесь не может быть.

– Уверен. Я же вчера показал вам заключение нашего эксперта, – без малейшего недовольствия, будто учитель школьнику, напомнил мне Фидель. Для него это было нормально вполне, что гражданское, частное лицо хватается за любую соломинку надежды. – Так что и вам, и вашим друзьям придется задержаться в Фуншале на неопределенное время.

– Вы уже, наверное, догадываетесь, инспектор, что лично для меня это сомнительное неудобство. Если бы не столь ужасная и грустная причина, я б только рад был продлить отдых. Мне некуда спешить. Занятия в университете начнутся не раньше, чем через два месяца. Так что... – Я развел руками, как бы говоря: «К вашим услугам». – Но все же вы не ответили мне или не поняли до конца. Не сомневаюсь, что это убийство. Однако преднамеренное ли?

Фидель посмотрел на меня чуть ли не торжественно. Но его можно было извинить. Для меня произошедшее – гибель, причем трагическая, одного из двух моих лучших и единственных в своем роде друзей. Для инспектора – лишний повод блеснуть способностями перед начальством и случайным зрителем. Я все понимал и мирился с этим без отвращения.

– Его не убили в драке, если вы об этом. Хотя, уж вы меня простите, Луиш, у вас, русских, такая репутация, особенно когда вы много пьете, что сам Господь велел бы мне подобное предположить. К тому же я запросил медицинскую службу. Никто из вашего отеля не обращался с физическими повреждениями. Ваш друг, господин Прянишников, столь мощного телосложения, что сами понимаете... – Инспектор сделал неопределенный жест рукой.

Да, я понимал и очень хорошо. Никогда бы Ника, Никита Пряничников не дал бы просто так пристукнуть себя в пьяной драке. Его сопернику «на ринге» пришлось бы куда как несладко.

– Но знаете, самое удивительное, что подобный удар могла бы нанести даже и женщина. Здесь не нужна особенно большая сила. Только точность. А еще – чтобы ваш друг, как бы это лучше сказать, сидел или лежал в покое, не очень подвижно. Височная человеческая кость – предмет хрупкий. Иногда достаточно простого падения. Но он не падал и сам не ударялся, нет. В его легких не было воды. Хотя, даже если бы и была, не в этом дело.

– Вы хотите мне намекнуть, что мой друг безусловно должен был знать того, кто его... – Я не хотел произносить и не произнес страшного слова, но Фидель понял меня и так.

– Я думаю, именно это обстоятельство в один прекрасный миг и прервет наше с вами взаимопонимание, – как о непреложном факте заявил инспектор.

– А теперь очень ошибаетесь вы. Мой друг мертв. И тот, кто это сделал, отныне мне не друг. Кем бы он ни был, – насколько мог, твердо ответил я.

– Рад это слышать. Вы, русские, совсем странные люди. И все же. Если этот человек окажется особенно дорог вам?

Это был уже подвох, и я не стал его игнорировать. Да и глупо бы вышло. Слишком уж очевиден был этот выпад для такого, как я, знатока человеческих тайн, самых темных их сторон. Я неожиданно рассмеялся.

– Так вы догадались? У вас действительно профессионально зоркий глаз. Ее бы я не выдал. Даже если бы никогда больше не взглянул в ее сторону и думал самое плохое. Ну, да все равно. Неужто вы и впрямь подозреваете Наташу? – Настолько забавной показалась мне сама эта мысль, что я затряс головой, будто кающаяся лошадь.

– Конечно, подозреваю! Я всех подозреваю! Моя работа такова! – довольно пылко воскликнул Фидель, но один его тон сказал мне больше, чем его горячие слова.

И я сам, и Наташа были где-то на заднем плане его расчетов, просто ему полагалось подозревать всех, и это действительно была его работа. Очень нелегкая работа.

– Но мотив?! Где мотив? – в свою очередь воскликнул я и наклонился к Фиделю: – Я, правду сказать, представляю всю механику этого дела всего лишь по книгам и то преимущественно детективным. Но должен же быть мотив?

– Об этом я вас хотел спросить, – напомнил мне Фидель. Пиво он допил и теперь сидел напротив меня просто так.

– Я могу, само собой, пересказать вам и собственную жизнь от зачаточного состояния по сей день, и все известные мне детали существования каждого из нашей подозреваемой компании. И мой рассказ займет неделю. Я в отличие от вас не профессионал и не умею отделять зерна от плевел. Может, лучше выйдет, если вы по ходу следствия будете задавать мне конкретные вопросы, как это и было до сих пор. А я стану отвечать и стану думать сам. В заданном вами направлении.

– Вы правы, Луиш. У вас завидный склад ума. Пока дайте мне определенный ответ только об одном. Ваш покойный друг и ваш недавний знакомый господин, э-э-э... Тал-ды-кин, кажется, были партнерами по совместному бизнесу? Там, в России?

– Да, были, – честно и быстро ответил я. И увидел, будто наяву, как Фидель только что сделал первый, решительный шаг по намеченному им следственному пути. Куда бы это его ни завело, я мысленно благословил инспектора.

Потом я еще немного гулял. В стороне от пляжной зоны отеля, у самой кромки бетонного ограждения, отделявшего океан от дикого берега, где не было спусков к воде и пирсов для ныряльщиков. Скалы внизу, аспидно-серые, будто куски корявого угля, торчали из воды и наводили морок инопланетного пейзажа. Точно так же, как и в том месте у гостиничного пляжа, где два дня назад погиб Ника.

Фидель спросил правильно, и я правильно ответил. Наверное, я тоже выбрал бы из всех возможных предположений простейшее. Если при этом еще учесть, что речь шла о туристе из страны, где только-только завершилась первичная фаза

накопления диких капиталов, а смертоносный передел их еще предстоял впереди. И Юрася Талдыкин таким образом попадал в лидеры гонок для следственных ищеек славного португальского острова Мадейра. Хотя, на мой собственный взгляд, Юрася был последним персонажем, которого лично я стал бы подозревать. Но скажи я об этом Фиделю, тот все равно не принял бы мои слова всерьез, а даже, может, вцепился бы в Юрасю еще безжалостней.

Да и как объяснить пусть и экзотическому, но все же европейцу, что убить с намерением человека из-за денег так же непросто, как и ради иных, не столь прозаических целей. От любви или из ненависти, на мой личный взгляд, человек решается на страшные поступки куда чаще и охотней, чем домогаясь чужих материальных ценностей. Если он, конечно, не законченный головорез. А Талдыкин головорезом не был. Тем более ценностей он имел ничуть не меньше, чем покойный Ника, а делить недавним компаньонам пока не приходилось особенно чего. Это в западной экономике бумажка значит подчас поболее человека, а у нас, в России, бумажка без человека пустой звук. И Никина половина в их с Юрасей предприятии без самого Ники, без его и только его личных связей значила почти что пустое место. Недаром Талдыкин второй день пьет, не просыхая в неподдельном горе, отвлекаясь от бутылки только на исполнение старинного грузинского напева «Од-ы-ын! Од-ы-ын! Сав-сэм од-ы-ын!».

Да если бы и было чего делить, так разве надобно сразу саблей махать? Ведь не бандиты и не отморозки, а обычные люди. Чтобы вот так, своими руками отправить на тот свет компаньона. Не нанять платного убийцы, не подставить под уголовную статью, а взять и прикончить самому. Обычный человек способен на такое только в чрезвычайно необычных обстоятельствах: от жуткого страха или страшного гнева, от невменяемого опьянения или от стресса на грани помешательства. Но ничего подобного ни с кем из нас не происходило, да и не было причины. А Фиделю что? Раз из бывшей страны Советов и при деньгах, то или переродившийся агент КГБ, или скрытый уголовник. Ну, в этом, положим, сами виноваты. Никто косить под крутизну за рубежами Родины не заставлял, и мусор из избы тоже таскали добровольно. Теперь и расплачиваемся.

Хотя вот и другая сторона все той же медали. Фиделю достаточно было только услышать, что ваш покорный слуга и рассказчик – без малого профессор первейшего в Европе университета и отдыхает, так сказать, на благотворительные деньги, как тут же и запихнул меня бравый инспектор ди Дуэро в самый дальний и пыльный угол своих коварных расчетов. Еще и в

помощники записал. Как же, русский интеллигент! И тут стереотип. Неприспособленный к реалиям капитализма и слегка малахольный болтун за льготный билет своей души в рай.

Но справедливости ради надо сказать, что я и сам желал помочь. Конечно, не собирался я изображать из себя мисс Марпл или мучить публику записками доктора Ватсона, но и стоять в стороне и просто смотреть я тоже не имел намерения.

Скоро, однако, изводить себя жутковатым видом прибрежных циклопических камней мне стало невмоготу. И я счел за лучшее вернуться к нашему маленькому племени подозреваемых изгоев, все еще пребывавшему на отельном пляже. Другие постояльцы, уже давно впитавшие в себя вести и слухи о произошедшем убийстве, держались от нас в стороне. И даже шезлонги ставили вне некой невидимой санитарной зоны, чтобы, упаси бог, не соприкоснуться близко. Хотя никакого повального бегства из отеля не наблюдалось, и администрация не высказывала нам пожеланий перебраться на время следствия в иное место на проживание. Совсем даже наоборот. Улыбчивый, черноокий старший менеджер Рамуш охотно разрешил нам оставаться сколь угодно долго, только плати деньги за три люкса и одноместную мою эконом-резиденцию со всеми мыслимыми удобствами. Еще бы, наше присутствие в «Савое» окупалось вполне. Это ведь разве в давних книжках бывало, что на отели, в коих совершенно кровавое злодеяние, ложилось проклятие. А в жизни совсем по-другому. Избалованные однообразным кругом существования, весьма обеспеченного и безопасного, пресыщенные покоем престарелые гости «Савоя» – по преимуществу худосочные англичане – восприняли все как бесплатную и щекочущую нервы забаву. На всякий случай только держались подальше от русских дикарей, впрочем, в глубине своих выхолощенных душ уверенные, что им-то, подданным королевы, ничего не грозит. А так даже многие старички и старушки, которым по возрасту и смерти-то бояться стыдно, напротив, продлили свое пребывание, чтобы узнать, чем кончится дело и кого, в конце концов, возьмут за шкуру. Не думаю, что ошибусь уж очень сильно, если предположу, что принимались и ставки. На Юрасю – так и безусловным гандикапом. А я, видимо, шел по самым низким тарифам, потому что старички единственно мне кивали приветливо, а старушки, те даже подмигивали игриво. Было бы забавно, если бы не было так противно.

Наши лежали на полосатых матрасиках шезлонгов, сдвинутых плотно в кружок, словно доперестроечные иваси в жестяных банках. Каждый сам по себе, но и

вместе. Кажется, на мой скромный взгляд, только славяне, да и то не всякие, обладают этой удивительной, почти неправдоподобной способностью составлять молчаливое единство в полнейшей звуковой тишине, как детские кубики в коробке. Иностранцам – тем, которых я наблюдал, – для достижения подобного эффекта требуется многочасовое поддержание беседы, а стоит словесному контакту прерваться, так тут же все вразнобой, хоть и были перед тем сто лет знакомы. А наши и молча – все равно один колхоз. И по городу, на экскурсии и в магазины, ходят точно так же: что скромные отдыхающие, что имущие миллионеры. Одним, нерушимым колхозом. Поневоле задаешься вопросом: так ли уж не прав был товарищ Сталин? Зато вот, к примеру, зашел ты в лавчонку, куда одному лишь тебе и нужно, а остальные десять или двадцать стоят и смирно ждут, пока ты купишь аспирин или средство от поноса. И на душе оттого тепло. Да и самому в голову не придет покинуть компанию, если народу потребно разворошить прилавки с часами «Картье», подсчитывая одновременно выгоду от возврата налога по системе такс-фри. Сам-то и коробку к этим часам не имеешь средств приобрести, но все равно участвуешь, даешь советы, а главное, радуешься, непонятно отчего, когда что-то покупается. И гордо при этом смотришь на продавца: мол, вот какой у меня друг! А после непременно на людях, лучше при иностранцах, спросишь у приятеля, который теперь час, и торжествующе украдкой озираешься: все ли обратили внимание? Хоть и не твой это драгоценный будильник, а все равно чертовски приятно.

Сердце у меня екнуло. Вот уже третий день вокруг стояло не семь, а шесть шезлонгов. На трех лежаках по одну сторону – женщины: Олеся, Вика и между ними, как барьерный риф, как водораздел, – она, Наташа. Наталья Васильевна Ливадина. В девичестве Кузнецова. Тонкая, худая, идеально длинная стрела, направленная неизвестно куда и в чье еще одно безответное сердце. И хорошо, что пополам, как в известном анекдоте. В смысле, разрешила собой наше дамское общество. Иначе Олеся бессмысленно терзала бы всех слезами запоздалого раскаяния в своем отношении к покойному, взяв за стартовую площадку глупенькую Вику, а через бесстрастный, не проплываемый рубеж тела Наташи сделать это было никак невозможно.

– Святой наш пришел, – буркнул просто так, для информации окружающих, Юрася, приоткрыв на солнце один пьянющий глаз.

Я терпеть не мог это свое прозвище, особенно в издевательской тональности Юраси, однако, ради общего спокойствия, переварил и проглотил.

С мужской стороны заняты были только два места, третье, сбереженное Тошей Ливадиным для меня, пустовало и без пользы нагревалось сковородкой.

– Леха, ну где тебя носит хромой черт? – с обидой попрекнул меня Тоша. Единственно мужское общество Юраси ему совсем не было по вкусу, он и терпел-то Талдыкина только из дружбы с покойным Никой.

Я присел на свободный матрас рядом, но раздеваться не стал, загорать в поздних солнечных лучах мне расхотелось. К тому же именно на мне лежала сейчас обязанность проинформировать общество о встрече с Фиделем. Конечно, можно было и умолчать. Но... Одно «но». Раз уж взялся помогать ближнему в деле борьбы за торжество правосудия, то и полагаться можно на себя только. Сильно смущали меня сомнения, что Фидель в действительности сможет разобраться в сути происходящего и оттого следствие его зайдет вовсе не в ту сторону – другая в нашем случае специфика, не здешняя. А так – переведут стрелки на первого попавшегося и подходящего под размер статьи, – и им проще и тем, кто сверху наблюдает, выгодней. И хоть Юрася вовсе мне не нравился, и это еще мягко сказано, позволять делать из него жертвенного козла я не собирался.

– Инспектор приходил. По дружбе намекнул, что Юрий Петрович у него на подозрении, – сказал я нарочно прямо, чем и подсадил в мирное птичье гнездышко паука-птицееда. Правда, сыщик из меня аховый, но с чего-то же надо начинать.

Юрася так и взвился всей увесистой тушей над шезлонгом, аж у того ножки подогнулись.

– Чего?! Ах ты ж... – Дальше все было про мать инспектора. Не оттого, что Юрася выпил с утра, а просто он обычно так и изъяснялся. – А ты ему что?

– Я сказал все, как есть. Потому, Юрий Петрович, что врать грешно. – И это я тоже добавил нарочно. – У вас с Никой были совместные дела, и это факт.

– Умник, тоже мне, – куда тише сказал в ответ Юрася.

Меня он сильно задевать не желал, поскольку все еще не понимал вполне, что я за фрукт такой и с чем меня есть в случае чего. И дистанция, мною строго

обозначенная, существовала меж нами. К Талдыкину я обращался исключительно по имени-отчеству, как к лицу для меня постороннему, а тот и вовсе не обращался никак, только общими словами или вот такими прозвищами, довольно безобидного характера.

– Значит, Нику все-таки убили? И ты тоже так думаешь? – привстал со своего места Ливадин. Детский вопрос, и так всем понятно, но Антон не желал мириться с очевидным.

– Это еще не все, Тоша, – теперь я обращался исключительно к нему, последнему своему другу. – Инспектор считает, и я с ним согласен, что Никита знал своего убийцу, и очень хорошо. Потому что не оказал никакого сопротивления.

– Ты серьезно? То есть, если перевести с твоего языка на общедоступный, среди нас сейчас дышит та сволочь, что грохнула Нику?! – не крикнул даже, а изрыгнул Антон.

– Именно так, – подтвердил я. И тут началось.

Все кричали наперебой, кроме Наташи, разумеется. Мат Юраси, истерические и не связанные между собой выкрики Олеси, обвинявшей всех и никого. А посреди всего галдежа пробивался интеллигентный, нервный бас Ливадина, призывавшего не впадать в крайность. Отчего в крайность впадали еще больше. Но я уловил в хоре испуганных голосов один, самый здесь неожиданный и неуместный, хотя никто кроме меня этой очевидной несуразности не заметил.

Кричала Вика. Временная, на одну поездку, подружка Юраси. Двадцатилетняя девица с мозгами пятиклассницы. Классически глупая блондинка. Из тех, кого именуют телками, а никакое иное определение им и не подходит. Кричала, в общем, ерунду.

– Я не виновата! Я ни в чем не виновата! Я домой хочу! – и плакала навзрыд.

Поскольку уверения в собственной невиновности как раз именно в этот момент сыпались со всех сторон, то никто на Вику внимания не обратил. Ну, страшно дурехе, и что поделаешь?

Вот чего, скажите мне, бояться девице, пусть и глупенькой, если она знала Нику без году и недели не наберется, и от силы сказано меж ними было предложений десять? Ничегошеньки против Вики я не имел, и пусть ее, что блондинка. Такие Вики лично в мою сторону никогда не смотрели, и оттого вреда я от них не знал ровно никакого. Вообще, по-моему, женщине скорее идет глупость, чем диплом ракетостроителя. Наташа не в счет. Хотя у Наташи как раз никакого диплома и в помине не было.

Конечно, кричали долго. Друг на дружку и крест-накрест. Это ведь в кино только случается, что эдак вот бросишь: мол, меж нами убийца, – так каждый скукожится сам в себе и в молчаливом одиночестве подозревает соседа. А на деле вышло по-иному. Птичий базар поднялся, и без всякого стеснения. Все равно никто на пляже по-русски ни бум-бум. Здесь вам не Турция и не Кипр, а остров в составе автономного архипелага, принадлежащего Португальской республике. Соотечественников наших тут днем с огнем надо искать. И рейсов прямых сюда нет, даже чартерных: и далеко, и роскоши поменее, чем, скажем, на Канарах. Если и летает кто, то навроде нас – за экзотикой или чтобы после знакомых удивлять: «А я там был!» Впрочем, скоро стало совсем горячо. Пьяный, как дым над казацким куренем, Юрасик и истеричная в скорби Олеся схлестнулись не на шутку. Не то, чтобы я не сочувствовал горю давней Никиной подруги и чуть ли не жены, а только не верил я в Олеськино страдание. Ну просто с упорством Станиславского не верил, сколь ни играй.

– Ты с ним последний к бассейну выходил покурить! А вернулся один! Вот зачем ходил, если ты не курящий? Отвечай, гад! – Это она, стало быть, Юрасе.

Ну, ответ Талдыкина, как и все последующие его тирады и реплики, уж пусть меня простят терпеливые слушатели, я стану, где возможно, подвергать цензуре. Иначе в смысловом значении его ненормативной лексики не разобраться мало матерящемуся человеку.

– Курица! Что б ты понимала! Я за жизнь вышел поговорить. Небо, блин, звездочки, воздух без тебя чистый. – И тут Юрася выдал по полной программе: – Ты кто вообще? Жена, сестра, двоюродная бабушка? Тебе кусок давали, так лопай молча. Еще Нику в зад за то целовать должна была, а права качает! Думаешь, от Никиной доли тебе обломится? А... выкуси! Ни хрена тебе не дам! По закону, ты дырка (э-э-э, ну, пусть будет – от бублика)!

– Ну ты, Юрася, полегче! – осадил его Ливадин и кулаки стиснул с угрозой, нешуточные кулаки, между прочим. – Кто чем делиться станет, еще поглядим! У Ники друзья пока живы, и своих в обиду не дадут. А единожды еще заговоришь с дамами в таком тоне, проучу всерьез.

Тут Юрася, конечно, примолк. Ливадин, как купец Калашников, словами зря не кидался, а денег и влияния сам имел немало. Но, уж если что пошло-поехало, так запросто кончиться не могло. Да и не кончилось. Олеся, то ли сдуру, то ли в благодарность за заступничество, ляпнула, не дай бог! Великого ума женщина, хоть и с пресловутым дипломом.

– Как же, звездочки! Тоже мне, лирик выискался, из села Задрищенского! – (И это интеллигенция). – Я-то знаю, чего ты с Никой выходил! На Наташку глаз положил, вот вы и разбирались – чтоб друг дружке не мешать! Да ты его в сердцах-то и прибил!

Вот так. Задним умом мы все крепки. Олеся после уж одумалась, чего сказала. При живом-то чужом муже, Антоне Сергеевиче Ливадине. На любимого человека Нику, уже покойника, на компаньона его, пока в здравии, на жену Антона, тут же присутствующую...

Ну, за Наташу я был спокоен. Она, впрочем, поступила в точности так, как я от нее и ожидал. Книжку, что читала (между прочим, Кафка – она его обожает, особенно «Замок»), тихонько отложила, ножки свои, зависть всех моделей, с лежака спустила и в шлепанцы на шпильках острых обула. И пошла себе с пляжа, так никому ни слова и не сказав. Мол, сами разбирайтесь. Я тоже поднялся, покрутил пальцем у виска – в сторону Олеськи, конечно. И поспешил вслед за Наташей. А Ливадин мне только вдогонку поглядел просительно, дескать, помощи и успокой.

– Тебя проводить? – подбежал я к Наташе. Обидно, что на шпильках, хоть они и красивые, все в золотых стразах и с перышком на боку. Только на полголовы выше меня теперь.

– Проводи. До бара. Я в номер не хочу, – немного капризно сказала она.

И мы пошли. До бара. Нам вслед, я видел это, смотрел Юрасик. Ревниво смотрел. Куда это мы пошли? А как увидел, что не в номер, так отвернулся. У шезлонгов

теперь было все спокойно. Как в последние мгновения перед вселенским землетрясением.

Но чтобы было понятнее дальнейшее, мне придется отступить несколько в сторону и объяснить хотя бы, кто такой этот Юрасик и откуда он вообще взялся в нашей компании. Не долго, но пару слов все же сказать надо.

Глава 2

Голубчик

Это случилось год назад и как бы само собой. Обычное дело для того круга людей, в коем вращались оба моих близких друга. Дружбу мы делили одну на всех, хоть и в неравной степени, а вот жизненные занятия наши различались и бизнес у каждого был свой. А в бизнесе – известное даже мне обстоятельство – часто случаются всякие слияния и расхождения интересов, к взаимной выгоде одной или обеих сторон. Вот Ника и связался с этим Юрасей. Деталей я не знаю, а только решили они, что вместе им плыть далее выгодней. Автопром сам по себе сфера крупных капиталов, и одному в нем, видимо, несладко.

Договорились Юрася с Никой, кажется, пятьдесят на пятьдесят, и новое совместное дело их пошло. И возможно, принесло бы вскоре ощутимого и жирного пороса. Если бы не случилась теперь смерть Ники.

Но тогда, пока все были еще живы и здоровы, произошло одно событие. Не сразу, а как-то постепенно. Мы и не заметили даже поначалу, а после уж неудобно стало возражать. А только Ника Пряничников взял и ввел своего компаньона в наш дружеский круг. Было нас пятеро, а стало шестеро. А главное, никто появлению Юраси особенно не радовался, Тоша Ливадин так меньше всех.

И ведь Ника не специально это сделал. Я уверен про себя, что он даже и не намеревался водить дружбу с компаньоном вне офисных стен. Только тут уж надо было знать Юрасю. Поразительный тип, но и типичный в своей поразительности. То есть, в смысле, мама моя, Августа Романовна, в обморок бы упала прямо на пороге, приведи я такого Юрасю в дом, и дивилась бы после, что

люди вроде него вообще есть на свете. А их на самом деле много. Просто раньше они кишели промеж себя где-то в нижних общественных слоях, а если кто из них и достигал высоких горизонтов, то всячески старался мимикрировать и сойти за своего, то есть, как минимум, интеллигента во втором поколении. А в настоящее время все перевернулось, и основательно. Волна перемен, кои принято называть общественными, подняла их из глубин, что аж до самого дна, и вынесла на поверхность. И в таком великом количестве, что не нужно стало уже им обращаться хамелеоном в чужой цвет, а можно было существовать, как есть, и никого не шокировать, потому что вокруг много оказалось им подобных.

Вот и к нам временно прибился один такой, Талдыкин Юрася. Откуда он взялся вообще, я, честно говоря, запомнил. То ли из Комсомольска-на-Амуре, то ли из захолустного Усть-Каменодрищенска. В общем, из чего-то крепко мещански-провинциального. И не в смысле тихой провинции, навевающей мысли о палисадничках и деревянных домиках с петухами на крышах, где вокруг и природа, и огород с колодцем, и старая церковка, помнящая еще набаты при монгольском нашествии. О нет, то была провинция иная, сталинский новодел, помесь малограмотных энтузиастов с бывшими зеками, искажавшая в себе вести из большого мира до совершенной неузнаваемости. Где символом достатка были магазинная водка на столе и грубый отечественный литой хрусталь в буфетах, клетка в прокопченном бетонном курятнике, жалованная за заслуги от производства, да дрянной кассетный магнитофон, заводимый в праздники непременно так, чтобы стены дрожали. Впрочем, пили там и не в праздники, а часто и просто так, от тоски, которую сами не сознавали, и оттого ссоры и драки никого удивлять не могли. И отношение к женской части населения у мужской половины преобладало чисто утилитарное, чтоб было с кем спать и чтоб было кому на них горбатиться, в смысле приготовить и постирать, а более ничего и не имелось в виду.

И конечно, когда наш Юрася Талдыкин попал, что называется, в большой свет (а как попал, о тех способах вам известно не менее моего), да еще с деньгами попал, и огляделся, и обнаружил многих, на себя похожих, то оно и вышло, как в народной поговорке про свинью, – которую за стол пустили.

Ему, кажется, и в мыслях не являлось, что он, Юрася, – компания для Никиты Пряничникова и его друзей неподходящая. Что кто-то может не хотеть и брезговать даже его обществом. Как же?! Ведь у него и деньги, и за деньги дома, тачки, бабы, и все как у всех, в его понимании, конечно. Юрася полагал, раз Ника его партнер и, стало быть, ближайший человек в бизнесе, значит, тот

все свое время делить с ним обязан. Закон стада. И бедному Никите ничего более не оставалось, как позволить Юрасе притащиться следом на хвосте в наш узкий круг. Потому что слов «неудобно» и «стеснительно» и прочих намеков тот не понимал. Не специально делал вид, а не понимал в действительности. Он получался по-своему счастливый человек.

Но самое занятное, непреложное обстоятельство, которое до сих пор не вполне укладывается у меня в голове, это, пожалуй, то, что Юрася был почти женат. Я не оговорился, именно почти. Он давным-давно, еще с малоимущих своих времен, жил с женщиной – в одном доме и единым хозяйством жил, – с которой и наплодил четверых детей. Но оформлять по закону эти отношения даже не собирался. И считал это нормальным совершенно. Гражданская жена его обеспечена была всем с головы до ног, даже машиной «Мерседес» и бриллиантами на черный день, и за каждый кусок платила смиренной покорностью и терпением грубых унижений под горячую руку своего властелина и кормильца, впрочем, по слухам, и не считала это чем-то из ряда вон. В своей провинции ей, видно, пришлось бы выносить все то же самое, только совершенно задаром. Женщину эту Юрася на людях не являл, вел себя человеком холостым, отдыхать ездил исключительно в обществе разнообразных красоток, спровадив обыкновенно свою почти жену с детьми к какому-нибудь противоположному морю.

Я, собственно, ничего личного против Талдыкина не имел. Ну, хам и хам, мало ли я видел неотесанных нуворишей. Вот только никак его нельзя было отучить материться через слово, – его способность предаваться даже без повода феерическому мату меня поражала. Правда, Юрася утверждал, что привычка эта сложилась в нем еще со времен его срочной службы на флоте, где, впрочем, он подвизался, кажется, на сладком месте корабельного кока или его помощника.

Но впоследствии стало проясняться, что Юрася имел много чего ко мне. Я понял вскоре, что был для него, как бы луной с неба для человека, у которого все остальное уже есть. И далеко и ни к чему не нужно, но хочется, а чего хочется, понимается смутно. Чтоб было.

И вот Талдыкин стал потихоньку меня доставать. Как же, на его глазах все время нормальный молодой мужик, уже хорошо за тридцать, и вдруг кандидат наук и почти профессор! И, главное, чего? Загадочной науки филологии и еще более непроизносимой лингвистики. И преподает студентам, обхохочешься что. Латынь. За такие же смешные деньги. Но на этом смех для Юраси заканчивался,

и начиналось совсем уж непонятное. Его собственный компаньон вместе со своим не менее, если не более, состоятельным другом этого потешного мужика уважали как равного и даже чему-то в его жизни завидовали. Гордились им. Этого мозги Юраси одолеть никак не могли. И он, тяготясь непонятным ему фактом жизни, постоянно меня провоцировал. Как скверно воспитанный школьник из неблагополучной семьи. Например, шелестя лохматой стопкой денег у меня перед носом, мог вдруг крикнуть:

– Сгоняй, будь другом, до моей тачки, скажи водиле, чтоб из города привез шампусика! – А дело происходило на Антошиной даче, где спиртного всегда навалом, благо Ливадин почти не пил. («Неужто так плохо, Юрий Петрович, что совсем ты ногами инвалид? Так мы сейчас быстренько в „03“, – и за телефонную трубку».)

Или в хорошем ресторане, где отдыхали всей компанией, клал Юрася мне руку на плечо и похлопывал, приговаривая:

– Эх, сегодня наука за мой счет! – и подмигивал, словно приглашал в заговор. («На всю науку, у тебя, Юрий Петрович, денег не хватит, и не от всякого возьмут, а возьмут, так спасибо не скажут, сие есть общественный долг гражданина».)

Всякий раз получал он с моей стороны от ворот поворот, не злобно, но выглядел при этом глупо и смешно и не мог понять, отчего так происходит. А я имел дело в своей профессиональной сфере с каверзной студенческой ордой, острословной и падкой до обидных розыгрышей, и уж Юрасины выходки на этом фоне смотрелись довольно жалко. Друзья мои не вмешивались в наши с ним конфликты, понимали, что с этим петухом в страусовых перьях я справлюсь и сам, и даже, пожалуй, несколько радовались, что Юрасю ставил на место человек, которому нечего было с ним делить. Для самоутверждения Талдыкин всякий раз пытался всучить мне деньги и тем купить, но денег оказывалось недостаточно, от него требовали как бы чего-то иного, а ничего, кроме денег, у Юраси за душой не было, и это приводило его в замешательство. Хотя, на самом деле, я абсолютно не представлял для него ни малейшего интереса, ни в прошлом, ни в настоящем, ни тем более в будущем времени. И поэтому он особенно тщился одержать надо мной верх. В этом Юрася был сродни любителю-альпинисту, штурмующему горную вершину. И опасно, и с собой высоту не унесешь, и денег не прибавится, только расход, но вот же зудит в одном месте.

Кое в чем, однако, Талдыкин смог меня зацепить. Именно по глупости своей, не разобрав, где черт, а где его кочерга. А случилось так из-за моего прозвища. Да и не прозвища даже – просто словечка, означающего как бы атрибут, прилагаемый к человеку близкими его. Так, например, про кого-то родные и друзья-приятели скажут «неряха», или «тормоз», или, наоборот, «шило в заднице», отмечая некое качество человека сообразно частным сторонам его натуры. Вот и ко мне, с не так уж и давних времен, прилепилась эта отметина. «Святой». К религиозному культу слово это совсем не имело отношения. Как и к праведному образу жизни. Напротив, я, ваш покорный слуга, Алексей Львович Равенский, и выпивал по случаю, и курил табак, хоть и умеренно, и женщин не избегал. Хотя последние, отмечу, справедливости ради, не сильно обращали на меня внимание, а если и обращали, то серьезных планов не строили. Отчего так, об этом тоже здесь, но позже.

Святой – для Ники и Антона означало: избегший соблазнов нового времени сего. Не уклонившийся с пути, не преступивший через мечту, не разменявший таланта на золото. Плывущий не в потоке вместе со всеми, а как бы сквозь него, и оттого обретший подлинный смысл жизни. А мне было не лестно, – напротив, раздражало, да ведь я понимал, что протестовать бесполезно. Раз уж прилепилось, теперь не отдерешь. Хотя, если на то пошло, на поводу у себя идти всегда легче и приятней, чем себе же наперекор делать то, что считаешь должным из-за принуждающих извне обстоятельств.

А Юрася великим умом своим порешил, что это прозвище обидное и дано в насмешку, да так его и поминал при мне. И радостно было ему видеть, как я при этом морщусь непритворно.

И вот теперь Юрасю подозревают, пока не более того, в причастности к убийству друга моего Ники Пряничникова, русского бизнесмена средней руки. С сегодняшнего дня и по моей вине. Тут возникает вопрос. А почему только с сегодняшнего? Фидель ведет это расследование уже третьи сутки, и всех нас допросил уже два раза по кругу и вразброс. И значит, не только я, но и Антон, и Наташа, и даже Олеся ничего не сказали ему о компаньоне убитого. Что Юрася промолчал, это понятно. Вика, та, положим, ничего не знала, – случайная подружка на один сезон. Значит, мои друзья, как и я сам до нынешнего дня, полагали фигуру Юраси в этом происшествии второстепенной, могущей лишь увести следствие не в ту совсем сторону. А может, не желали, чтобы чужеземная полиция вторгалась в наши приватные отношения. А это уже было глупо и недальновидно. Потому что от российского консульства подмоги пока вышло

чуть. Прислали к нам помощника старшего дворника, средних лет язвенника-неудачника, некоего господина Кичкина, из тех, что вечно всем недовольны и строят из себя персону, а делать дело почитают за излишний труд. Кичкин поначалу попробовал себя на роль переводчика для полиции, но ему надоело очень скоро, и он перевесил эту обязанность на местного агента нашей турфирмы Марианну, как на человека независимого и незаинтересованного. А сам Кичкин еще покрутился немного, вынюхивая, не перепадет ли что ему частным образом. Но Ливадин ничего ему не дал, потому что никакого проку в господине Кичкине не увидел, а Юрася, по новорусской привычке совать всем на всякий случай, выложил было денежки, но, разумно оглядевшись на Тошу, немедленно прибрал их назад. И правильно, такие, как этот Кичкин, только производят лишний шум, весу же не имеют ровно никакого. В общем, господин Кичкин оставил нас в покое, и то спасибо, клятвенно пообещав, что пребудет в курсе расследования, а если что, нам надлежало звонить ему в консульство. Был бы толк.

А рассказал я Фиделю о компаньоне еще и потому, что нелепым и ненужным в данных обстоятельствах показалось мне намерение моих друзей чураться местных сыщиков. Ведь, в самом деле, не с Петровки же требовать оперов на далекую Мадейру. А если замять как-нибудь Никину смерть здесь и сейчас, то потом, в Москве, бессмысленно и копать. И тот, кому надлежит ответить за убийство нашего близкого друга, избежит кары правосудия и последующей за ней тюрьмы. Лично меня это абсолютно не устраивало. И я сказал Фиделю, что знал. А он даже не спросил, в свою очередь, почему я до сих пор скрывал от него сей важный факт. Но и правильно, что не спросил, он, по-своему, неплохой психолог, этот инспектор ди Дуэро. Напротив, Фидель понимал, что настучать на ближнего своего можно только в чрезвычайных обстоятельствах и то, крепко подумав. Тем более информировал я Фиделя скорее вовсе не для того, чтобы непременно указать на Юрасю, а только лишь бы следствие двинулось хоть куда-нибудь с мертвой точки, в которую уперлось. Чтобы пусть любые, самые незначительные действия начали происходить, а там – мало ли что выйдет, по дороге, на свет божий. Как говорится, будет день – будет и пища. И вот добился, что наши впали в крайность и переругались между собой, что само по себе плохо. Но зато и выловилась кое-какая рыбка. Даже две. Во-первых, из-за чего глупышкой Викой овладел вдруг дикий страх (в силу глупости природной обычно происходит наоборот, спасительное это дело)? И во-вторых. Олеська, пусть и соображала в тот момент слабо, обвинение выдвинула нешуточное. Ливадин, конечно, не снизошел до того, чтобы ей отвечать, от Наташи только этого и следовало ожидать. А вот почему Юрася не возразил, не закричал, хоть бы и с матюками, что это не так, что Никина подруга грязно клеветает, что, кроме

разговора о звездочках, ничего меж ним и Никитой в тот вечер не было? Значит, было. И так было, что всего талдыкинского гонора не хватило, чтобы на чистом глазу немедленно оправдаться перед Антоном. А только и Ливадин не обратил внимания на молчание Юраси. Значит, слов от него не ждал. И значит – что? А то. Знал об этом разговоре или предполагал, что он был, как, возможно, были до него и многие другие на эту тему беседы.

Наташа тем временем заказывала в баре, что возле бассейна открыт на свежем воздухе, виски с колой. Это себе. Она удивительный человек и единственный, кто пьет эту бурду в любое время суток, днем в тридцатиградусную жару или вечером, даже на самом роскошном ужине. Ничего никогда не пила больше на моей памяти, с тех пор как попробовала этот «коктейль Молотова» в первый раз, – только виски с колой, и сохраняла верность напитку в любых обстоятельствах.

Я тоже взгромоздился рядом на высокий стул. Терпеть их не могу, до того неудобно сидеть. Я бы предпочел устроиться неподалеку за столиком, но Наташа села тут. Ей-то, слава богу, есть, что показать. И фигуру, и ярко-оранжевый замысловатый купальник, – к рыжим волосам очень идет. И бесконечные ноги, – одна закинута на другую, и шпилька качается туда-сюда, вот-вот упадет, но не падает. Очень красиво. Суетливый, смуглый бармен все норовил перегнуться и посмотреть за стойку на эти чудные ноги, и даже сказал что-то на португальском языке, Наташа не поняла, и он потом только улыбался ей.

Мне был заказан лес дремучий. Наташа, как и обычно, даже не спросила, чего я хочу, знала: из ее рук – хоть яду. И потому, как ребенок игрушкой, забавлялась часто, выискивала самые заковыристые из коктейлей и испытывала на мне, покорном слуге ее. И вот сейчас из бокала на полведра торчали оградой соломинки с ананасинами и кусками лимонов и все это в облаке взбитых сливок, а само питье внутри имело купоросно-синий цвет. Я ничего не имел против купороса, только опасался несколько, после недавнего пива, за свой желудок.

– Скверно вышло, – кивнул я в сторону остальной нашей компании, а что имел в виду, и так было понятно.

– Подумаешь, моему Ливадину даже полезно иногда, – равнодушно отозвалась Наташа.

В чем именно заключалась полезность, я не понял. Антон любил ее так, что даже ревновать опасался – вдруг обидится. Впрочем, Наташе видней. Хорошо уже то, что она не расстроилась совсем, и утешать ее не нужно, хотя и жаль. А Наташа вдруг сказала, так обыкновенно, словно отличник в классе отвечал давно затверженный урок:

– А я знаю, о чем они разговаривали. И Вика тоже знает, что не обо мне. Я в уборную выходила, и она за мной. Обратно мы вместе шли.

Ходили они в тот вечер и в то время в уборную или нет, я не помнил, конечно, я не Ниро Вульф. Но что эта Вика всячески подмазывается к Ливадиным, видел, не слепой. Вполне могло быть, в туалет людям ходить иногда надо, особенно красивым женщинам в обществе. И потом, за столом действительно в какой-то момент оставалось мало народу. Потому как Олеська от нечего делать вдруг стала мне объяснять принципы работы графопостроителя последней модели, и мне это, конечно, было очень нужно. А скучный и бессмысленный разговор с целью лишь скоротать время отчего-то всегда запоминаешь лучше, чем непринужденную беседу.

Это я нарочно отвлек себя в сторону, вспоминая, чтобы не выказать тревожный интерес. Потому что Наташа могла сейчас выдать мне то, что прояснило бы несколько небо над нашими головами. Сердце мое застучало, Впрочем, от купоросного коктейля тоже, – рому бармен явно не пожалел.

– И что же Вика знает? Чего не знаем мы? – Я даже шутливо спросил, иначе Наташа, в настроениях переменчивая, вполне была способна прекратить этот разговор, если бы вообразила вдруг, будто я ее допрашиваю.

– Тебе скажу. Только больше никому. – И это были не пустые слова. – Пообещай.

Наташа так говорила не оттого, что по-девчоночьи хотела напустить таинственности. Это значило то, что значило. Скажет только мне, по какой-то собственной загадочной причине. И если я, спаси и сохрани, проговорюсь, последствия не заставят себя ждать. Самое меньшее – навсегда разорвет со мной отношения. Я уж видел подобное не раз, несколькими людям с ее стороны дорого стоила словесная невозддержанность. И я потому хорошенько подумал.

– Обещаю. – Мы оба знали, что с этой секунды я – могила, об услышанном – ни звука.

– Это Ника говорил. Для того и Талдыкина вызвал с собой. Нарочно. Потому что Юрася спросил: «Ну чего тебе вдруг приспичило?»

– Никита дожидался, пока Вики не будет за столом. А тут как раз вы и вышли, – догадался я, меня одолевали поразительные предчувствия.

– Только он не знал, что в дамскую комнату можно и через веранду пройти, по внешней стороне. Мы тем путем и возвращались.

– А с Викой ты, конечно, по дороге не разговаривала. – Я уже домысливал вслух. – Потому как – зачем тебе? И вы обе все слышали.

– Не все, что ты! – чуть не рассердилась было Наташа. – Надо мне подслушивать! Меня чужие секреты не касаются. Так, обрывок разговора.

– Ты меня уж совсем заинтриговала, садистка, – я все еще был на шутливой волне, – смилуйся, не томи!

– Вечно ты паясничаешь. Смотри, слово дал, – еще раз напомнила Наташа. – Ника ему и говорит, сразу так: «Приглядывай за своей подругой в оба!» А Талдыкин: «Это еще почему?» Я даже подумала, Вика какому-то иностранцу глазки строила, с нее станется.

– А дело было не в глазках, – вставил я, иначе подавился бы молчанием, так волновался.

– Ника ему сказал только: «Завтра будут подробности. А пока смотри в оба, повторять не стану!» И заговорил после про какое-то платежное поручение, его Талдыкин не тем числом подписал, что ли. Дальше я не слышала, мы уже мимо прошли.

– А Вика? Она-то что? – осторожно спросил я.

– А ничего. Сделала вид, будто все в порядке. Ну, я тоже сделала вид, – сказала Наташа так, что я понял: разговор на эту тему исчерпан.

Мы еще посидели немного в баре, пока обстановка на шезлонгах не разрядилась совсем. Потом Наташа отправилась ловить остатки заходящего солнца, а я – прогуляться, куда глаза глядят. И сам не заметил, как вышел на Авенида-ду-Мар. Здесь было просторно и малоллюдно, и думалось хорошо.

Я чуть не остался при пиковом интересе, спасибо, Наташа выбрала именно меня доверенным лицом. Но теперь получается все по-другому. Если знала Вика, и знал Юрасик, каждый из них в отдельности, разумеется, то некоторая ясность все же определяется. Не стал Юрасик ничего возражать и оправдываться, чтобы лишних вопросов не задавали. Если не о Наташе он говорил с покойным Никой, то о чем? Законно могли бы у него спросить, тот же Ливадин, например. А у Талдыкина, наверное, есть собственные причины не распространяться на эту тему. И вполне вероятно, что пьяный там или трезвый, а Вику он взял на заметку. И отчего случайная его подружка так причитала в голос: не виноватая, дескать, она ни в чем, – тоже для меня более не тайна. Ведь Наташа слышала тоже и могла вполне заявить о своих подозрениях. Но не сказала никому, кроме меня.

Вот только одно обстоятельство меня заинтриговало по-настоящему. Ника сказал, что подробности будут завтра, то есть как бы заранее приготавлил своего компаньона к пренеприятному известию. И самое разумное, что оставалось мне предположить, – Ника подробностей этих не имел, а только должен был их получить. Завтра. Поэтому предупредил Талдыкина и разговор отложил. Итак, оставалось выяснить: что покойный Никита собирался получить и откуда? Легко сказать. Но не так уж трудно сделать. Кроме как из России и, скорее всего, что из Москвы, вестей моему другу ждать не приходилось. Если только Вика не международная мошенница, и он не запрашивал о ней Интерпол, что по многим причинам смехотворное подозрение.

Я повернул обратно в «Савой». Теперь уже не прогулочным шагом, почти бегом. Вот, что называется, охотничий азарт. Теперь понятно, почему полицейские детективы по всему миру ни за что не желают расставаться со своей работой, даже если она не приносит им достаточных средств к существованию. Ради одного подобного ощущения себя гончей, взявшей след, и захватывающего процесса травли своей добычи, уже стоит поступать на эту тягостную в общем-то службу. Но я-то был не детективный сыщик, впрочем, мне это могло бы сейчас

помешать. И оттого решил действовать не по правилам, которых не знал, а так, как видел сам. Пока не прибегая к помощи Фиделя. Впрочем, мы и не договаривались, что за каждой мелочью я стану ходить к инспектору, условились лишь о сотрудничестве и помощи, о действиях как бы в параллельных измерениях.

Итак, вернувшись в «Савой», я немедленно направился к стойке портье. Благо на острове многие превосходно говорили по-английски, а уж персонал такого высококлассного отеля и подавно. Меня интересовал один частный вопрос. И я надеялся получить на него ответ. О происшедшем все, до самого последнего уборщика бассейна, были конечно же в курсе, и меня не раз видели в компании инспектора за дружеской беседой.

– Добрый вечер, не могли бы вы уделить мне ровно минуту для разговора? – спросил я решительно и строго молодого парня с тонкими усиками стрелкой, учтиво улыбнувшегося мне из-за сверкающей мрамором стойки.

– Столько, сколько понадобится сеньору, – откликнулся портье, хотя и несколько напряженно на меня посмотрел.

– Дело официальное, но и конфиденциальное одновременно, – предупредил я, намекая на свои отношения с инспектором. Пусть думает, что я по поручению.

Щеголеватый портье заметно расслабился и выразил бессловесно готовность к услуге.

– Не могли бы вы проверить, поступала ли какая-нибудь корреспонденция на имя господина Пряничникова или просто на 325 номер-люкс в день, следующий за убийством.

Портье все так же молча кивнул и углубился в недра компьютера.

– Была срочная почта по «DHL». В три часа после полудня, – вскоре сообщил он.

– И вы передали ее в полицию, – не то спросил, не то констатировал я.

– Нет, конечно, это же частная корреспонденция, и без специального ордера это никоим образом невозможно! Репутация нашего отеля... – гордо начал усатый нянь, но я перебил его:

– То есть почта доставлена адресату? – Значит, письмо могло быть только у Олеси.

– Да, постояльцев в тот момент не оказалось в номере, – (еще бы оказались, мы все были в то время кто в морге, а кто и в полиции), – и дежурный администратор расписался за доставку. Почта пришла из России, время указано. А вечером корреспонденция была передана получателю. Сеньоре Кра-э-в-... – (выговорить фамилию Крапивницкая портье не сумел и нашел другой выход) – сеньоре из 325 люкса.

Хорошенькие дела творятся. Значит, письмо на руках у Олеськи, а она прилюдно вешает собак на Талдыкина, хотя должна бы направить свои подозрения совсем в другую сторону. Ведь она читала письмо. Если читала, вдруг поправился я. В тот вечер, следующий за смертью Ники, мы все были не в своей тарелке. А Олеська закатывала одну истерику за другой и чуть ли не до судорог себя довела. До письма ли ей было, тем более – из Москвы. Мало ли деловой корреспонденции получал Ника! И письмо это, скорее всего, так и валяется в их номере. План, за версту отдававший мальчишеством, созрел немедленно. Проще всего было, конечно, связаться с Фиделем и не морочить себе голову. Но мне не надо было проще. Пусть уж сначала письмо это пройдет через мои, дружественные, руки. И я отправился воровать яблоки через забор. Но это только кодовое название. Я вовсе не собирался, словно Зорро, лазать и скакать по балконам и полагался более на разум, чем на силу, что весьма облегчает жизнь, хотя и, безусловно, снижает уровень героизма.

Я зашел в номер к Олеське как раз точно перед ужином, и расчет оказался верным. Не впустить меня было неудобно, – все же старый приятель зашел с утешением, – а полураздетое состояние заставило Олесю подхватить свои одежды и скрыться за неплотно притворенной дверью ванной комнаты. Времени было в обрез, правда, искать долго мне тоже не пришлось. Ведь никто ничего нарочно и не прятал. Письмо лежало тут же, небрежно брошенное на столик с грудой косметики вперемешку, лицевой стороной вниз, так что ни адреса, ни фамилии видно не было. Обычный желтый пакет, совсем небольшой и плоский, а на нем деревянная, не очень чистая щетка для волос и еще множество всякой дряни, вроде зажигалки и жевательной резинки. Я аккуратно его и спер,

оставшись с совестью в ладу. Вряд ли Олеська заметит, а даже если, то подумает на горничную. Выбросила и все. И до того ли ей сейчас?

Я быстро ретировался к себе, извинившись через дверь: мол, совсем забыл, должна звонить мама. И пусть Олеся меня не ждет, я приду сразу в ресторан. Мы уже третий вечер, как питались в гостинице, выходить в город ни у кого не обнаруживалось желания.

Спустившись в свой номер на первый этаж, я запер дверь от случайных визитов и вскрыл конверт. Ого! Это сюрприз, и презанятный! Хорош подарочек для Юрасика. Ах ты, мой голубчик! Я даже пожалел беднягу. Перечитал еще раз и спрятал на всякий случай хитрое письмо в сейф. Конверт, разорвав на полсотни кусков, спустил в унитаз. Авось, не засорится.

Глава 3

Прогулки при неполной луне

На самом деле, скажу вам по секрету, последним человеком, который видел живого Нику в ночь его насильственной кончины, вероятнее всего был именно я. Но секрет здесь таился относительный, только между мной и Фиделем. Ему-то я рассказал все еще в первое наше официальное свидание. И пользы из секрета инспектор извлек мало весьма. Потому что ничего особенного я не видел. Вышло как-то... Как в плохо смонтированной кинокартине. Где есть начало и конец, но явно не хватает главного. Середины.

Выпили мы в тот вечер немало. Не по причине, а совершенно без повода. Это именно случается, когда отдых перевалил за половину и близится уже к естественному завершению. Все лучшие рестораны и увеселительные места посещены, экскурсии предприняты, скудные островные достопримечательности осмотрены. И вот в один прекрасный вечер оказывается – всем лень. Куда-то идти, что-то делать. Тут, кстати, если отель соответствует, вдруг обнаруживается непаханное поле, полное надменных иностранцев, которых есть чем изумлять. Тем более, что в большинстве своем эти иностранцы каждый день попадают к вам на пляже, и за завтраком, и вообще в местах общего дневного пользования. Тогда однажды вечером женщины надевают самые красивые и

неудобные вечерние платья, потому что идти не далеко, ну и мужчины не отстают – кто добровольно, а кто и принудительно. И все отправляются себя показать. Надо сказать, наш «Савой» очень даже подходящее для этого место. Хоть контингент тут в основном, мягко сказать, что пожилой, зато весь в золоте, бриллиантах и прочих атрибутах богатой пенсионерской жизни. А вот это-то и есть особенный жупел для нашего русского брата, когда за столом уже сижено долго и норма уже выпита. Как раз в такой момент и начинается хотеться большего, появляется бравада и желание поразить и изумить, пусть чем-то неразумным и пустяковым. Обычно тем, как здорово мы все умеем пить и при этом веселиться. Непонятно только, зачем поражать этим англичан, которые пьют, пожалуй что, похлеще нашего и тоже крепкие напитки. Но вот хочется. И мы в тот вечер принялись поражать. Хорошей водки после шампанского и вин в отеле не нашлось, видимо, спрос не тот. Зато имелось превосходное виски многолетней выдержки.

Разошлись мы, естественным образом, поздно. Юрася даже не разошелся, а был отведен под руки в номер. Олеську тоже почти что несли, графопостроители довели ее до бесчувственного состояния. И может, поэтому, из-за пьяной подруги, Ника вышел к пляжу подышать свежим воздухом.

Как я и говорил вам ранее, отель наш имеет только одну, лицевую сторону. А сзади – монолитная скала, на которую и опирается все его изящно гнущееся вдоль горы здание. И потому, из какого номера ни поглядишь в окна или с балкона, все равно увидишь только океан, бассейн и пляж, ну еще декоративную, под маяк, будку спасателей на пирсе. Правда, после полуночи никто обычно никуда не глядел, старички-иностранцы, как и их старушки, укладывались в кровати значительно раньше. Зато глядел я. Хотя и не включал свет. Может, поэтому и увидел при неполной луне Нику Пряничникова достаточно ясно и хорошо. С первого этажа это проще, чем если бы вид был сверху.

Вообще-то вышел я на балкон совсем по другой надобности. Чтоб не кружилась от выпивки голова в положении лежа и чтоб проверить одно впечатление. Как я уже упоминал однажды, некоторая особенная деталь нашего приморского пейзажа приводила меня в смущенное душевное состояние. А именно мрачно-черные скалы и их зазубренные обломки, собственно представлявшие собой береговую полосу и делавшие ее непригодной для купания непосредственно с пляжа. При ярком солнце и специфичности небесной облачности на Мадейре выглядели они мало сказать, что жутко. Просто какой-то природный

сюрреализм, словно бы нарочно придуманный для скептиков. Небо, будто рассеченное на две части идеальной чертой (иногда она проходила точно посередине, иногда смещалась вправо или влево): с одной стороны чистое и голубое, с другой – мрачное и серое, и все это одновременно. Как рай и чистилище. А внизу обугленные чертовы обломки зубов ада. Неприятно до дрожи. И вот, чтобы снять негатив от впечатления, именно в тот вечер, сам не зная почему, я решил посмотреть на потусторонние камни, ограждающие от нас океан, при лунном освещении, пусть и скромном.

Никаких скал я, естественно, не разглядел, так слились они в единое целое с ночной темной водой, зато на пирсе явственно различил прогуливающийся неспешно человеческий силуэт. Из чистого любопытства только и задержался на нем взглядом. А через короткое время понял, что это Ника. И ничего удивительного. Мы так привыкли друг к другу за много лет, что его или Ливадина, и уж конечно Наташу, я узнал бы только по очертаниям фигуры и свойственным им лично индивидуальным движениям. Ника, чуть сутулый, но широкоплечий и немного коротконогий, двигался всегда так, словно с усилием рассекал воздух вокруг себя. И прикуривал сигарету, даже на ветру, никогда не прикрывая огня рукой. Хоть сто раз прикуривал, а все равно не желал допускать этого естественного человеческого жеста. Вот и тогда не пожелал. Чиркала зажигалка, раз, другой, десятый, до меня даже донеслось явное и знакомое «вот, горгулья!», любимое Никино выражение. А потом фигура уселась на каменный монолит возле пирса и так и осталась в неподвижности. Здесь кадр обрывался. Потому что рассказчик, то есть я, пошел спать.

А наутро, очень рано, Нику нашли. Он лежал на этих самых адовых, мертвых скалах, голых в океанском отливе, тоже мертвый уже давно, как был в вечернем костюме в тонкую полоску, будто манекен из дорогого бутика, забытый или выброшенный при переезде. И это был следующий момент фильма ужасов.

Мои воспоминания дали инспектору только одно. Около часа ночи Никита Пряничников был еще жив. Впрочем, и без моих показаний это выяснилось бы тоже, только несколько позднее. Судмедэкспертиза. Она и подтвердила. Итак, Фиделю оставалось самое малое. Определить, кто из нашей компании бодрствовал после часа ночи. Как оказалось, совершенно никто. Чего и следовало ожидать. Все были пьяны и все, разумеется, спали, словно невинные младенцы. Вот только поутру проснулось на одного меньше. Как логичный вывод из этого обстоятельства – алиби не имелось ни у кого решительно. И тогда Фидель выбрал меня доверенным лицом, чтобы рассмотреть ситуацию

изнутри. Правда, и я, со своей стороны, ему немного навязался. Так что сотрудничество наше в действительности можно было обозначить, как добровольное.

И сейчас, на третий день после гибели бедного Ники, я шел на ужин, памятуя, что в моем сейфе лежит бомба не бомба, но нечто близкое к ней. Не хватало лишь запала. А так, динамит уже имелся. И передо мной стоял вопрос, даже два. Искать запал одному или совместно с Фиделем? А после рвануть или не рвануть? Потому что неизвестно было, куда и во что совется веревочка.

Убить могла даже женщина. Фидель сам так сказал. Теперь представим себе недостающий кадр. Вика убила Нику. Звучит, как каламбур или детская считалочка. Но все же, если представить себе. Какое будет тогда кино? «Богатенький Буратино» Юрасик выступит вместо «Оскара». Но только, чтобы получить приз, Вике совсем не требовалось никого убивать. То, ради чего она приехала на остров, сделать можно было уже тысячу раз. В худшем случае при разоблачении, Викторию Юрьевну Чумаченко ждал бы небольшой скандалчик и пинок с острова под зад. Но за хороший гонорар можно и стерпеть. Если только в письме правда. А если нет, и цель у Вики иная? И ее глупость – великолепно разыгранное притворство. Тогда ждите второго трупа, господин инспектор.

И я решил действовать. Пока что самостоятельно – все равно до утра не видел иного выхода. Ну не вызывать же в ресторан Фиделя, в конце концов? Для начала нужно было узнать любые подробности о семейной жизни Юрасика. Тут я представлял более-менее ясно только два осуществимых варианта. Либо от самого Талдыкина, либо от Олеси. Именно она ближе всех общалась все это время с Викой, и значит, та могла ей проговориться. А если письмо все-таки неудачно разыгранная дезинформация, то проговорилась обязательно. Для подобной миссии много ума не нужно, и тогда Вика есть то, что я о ней и думал до сих пор.

Начал я по наитию, не строя никакого плана. Как сказал бы Ливадин, меня «прикуражило». Тоже любимое выражение – второго моего близкого друга. Уже принесли горячее, когда я, не щадя чувств окружающих, сокрушенно покачав головой, сказал:

– Вот так живешь и не знаешь, когда... – и замолчал на миг. На меня посмотрели, пока еще не понимая, а я тем временем продолжал: – Лесю жалко. Хоть бы какое распоряжение на ее счет. Я бы оставил завещание, правда, завещать мне

нечего, кроме пары монографий.

– Может, завещание есть, – тихо сказала Олеся и собралась заплакать. Но и с вызовом посмотрела на Юрасика: мол, выкуси!

– Х... тебе от него! – громко, но без особенного зла, ответил Талдыкин. – С тобой мне, что ли, дело вести? Ты поршень-то от гильзы отличишь? А то – карусельный станок от револьверного? Никитка все бабло свое втюхал, даже квартира в банковском залоге. Я знаю. Дело-то наше ого-го, не хрен собачий... Было...

Похоже, Юрасик изрек кристальной чистоты истину, потому что тут Олеся и заплакала. И все стали ее, конечно, утешать, чтобы не испортить себе ужин окончательно. Даже и Юрасик, из гастрономических соображений или вправду пожалел. Талдыкин хоть и был хамом, но не вовсе бесчеловечным, а по прихоти мог и свалить бескорыстного дурака.

– Уж не реви, будто белуга. Что-нибудь придумаем. А хочешь, иди ко мне работать, в окладе не обижу, – предложил он, и видно было, что от чистого сердца. И то много.

– Работать и у меня можно, – возразил тут же Ливадин. – Дело в наследстве. Родители у Ники давно покойные. Одна Леся ему близкий человек и осталась. И как же он не подумал-то?

Разговор шел пока в нужном русле, но я решил его все же направить повернее:

– Сам ты много думаешь, – попрекнул я Антона. – С тобой случись чего, с чем Наташка останется? Концов не разберешь, да и обманут ее почем зря. На меня не надейся, я в финансовых делах не помощник.

– С Наташей все в порядке будет, не переживай, – заверил меня Ливадин, и без ехидства заверил. Серьезно, словно отчитывался за это доверие. – Меры приняты, и давно. Это у Талдыкина пять ртов по миру пойдут, если лень бумажку в загсе выправить.

Вот отсюда я слушал уже очень внимательно, что же скажет Юрася.

– Много ты понимаешь! Тут все дело в принципе. Сказано и баста, что помру холостым, как Медный Всадник. – (Странное сравнение, но смысл его был ясен.)
– Я, между прочим, как порядочный, – (интересно, почему «как»? или Юрасик себя порядочным не считал?), – давно уж написал и у нотариуса заверил. Все – детишкам и их мамаше, безраздельно, в случае моей смерти – поровну на пятерых. И Светка моя тоже написала.

– Она-то зачем? – удивился Ливадин.

– Как зачем? На нее дом записан, две машины, мало ли что! – заявил в ответ Талдыкин.

Ай да Юрасик! Вот тебе и жлоб. Однако детишки – дело святое. Только бы чему путному их выучил. Но слова его о завещании мне не понравились совсем. Не сходилась что-то в известии, присланном из Москвы, и в самом главном не сходилась. Теперь даже хранить письмо показалось мне затеей, полной неподдельного риска, но и не хранить было нельзя. Впрочем, я не боялся.

Дальше уже стало неинтересно. Посидели еще и вскоре решили расходиться. Но, как вышли из ресторана, Антон остановил меня, придержав за локоть.

– Прогуляемся немного? – попросил он и как-то жалко попросил. – Ты, Натуся, иди. Я скоро буду.

И Ливадин даже не повел, а потащил меня за собой все к тому же окаянному пирсу. Лучше бы в бар, слишком нехорошее там было место. Но перечить я не стал. У воды остановились, я закурил сигарету.

– Лешик, как ты думаешь, – Ливадин всегда звал меня так, вместо обычного «Леха», если хотел поговорить о чем-то, что сильно его тревожило, – Леся правду сказала?

– Про завещание? Не знаю. Мне ничего не известно, – сознался я, хотя с Никой был дружен, пожалуй, ближе всех. Но и вправду не знал.

– Да я не об этом, – отмахнулся Ливадин, как от сущей ерунды, хотя еще полчаса назад по-рыцарски отстаивал Олеськины права на наследство. – Как ты

думаешь, они оба хотели отнять Наташку? И сговорились между собой?

Я чуть не выругался в сердцах. Ливадин чах над своей женой, как царь Кашей над золотом. Ну не до такой же степени! Неужто только это его и волнует? Когда бедный Никита еще не похоронен даже. И я подумал про себя: сказать или не сказать? Но все же умолчал и про Вику, и про документ в моем сейфе. Ничего, пусть помучается, дурак такой, это пойдет на пользу. Каждое слово всегда непременно должно быть произнесено к месту. И к месту я же выразил сомнение:

– Вряд ли, конечно. Со стороны Ники уж точно. А про Талдыкина не скажу, мало ли какие у него в голове тараканы? Он бабник, это и за версту видно.

Постояли мы еще, переминаясь с ноги на ногу, теперь молча. Ливадин вроде успокоился немного. И то, Наташа ему законная жена, а что может предложить ей этот Юрасик, кроме мимолетного романа? Да и в денежном отношении Антошка не в пример богаче его выйдет, если считаться. Собственный бетонный завод с единственным полукompаньоном из верхов, при нынешнем дефиците стройматериалов – это же золотое дно. Да и во всякие времена. Нефть там, или газ, или альтернативные источники энергии, а жить людям всегда где-то надо. И замены ливадинскому бетону пока нет и не предвидится.

Только как же это я? Выходит, можно подумать черт знает что про Наташу? Да она в сторону Юрасика и не глядела ни разу, то есть глядеть-то глядела, нарочно не отворачивалась. Тем же самым равнодушным взором, каким она смотрит на барменов, на горничных и коридорных уборщиков, на бродячих собак и на витрины магазинов «Сделай сам». Но уж Антошке раз попала шлея под хвост, будет пережевывать, как корова жвачку, и главное, в себе. Мучиться, следить, сомневаться, дрожать на пустом месте: вдруг отнимут его сокровище? Такой он человек.

А Ливадин внезапно заговорил, без предисловий, будто долго решался и только сейчас посмел:

– А я ведь не спал в ту ночь, – и немедленно замолчал, отстраненно глядя в никуда.

От неожиданности я похолодел. Так, что на мгновение утратил всякий дар речи. Но следствие есть следствие, и потому надо было спрашивать.

– И где ты был? То есть, что ты видел, Тоша? – осторожно, чтоб не испугнуть, произнес я.

– Не что, а кого, – поправил меня Ливадин. – Талдыкинскую девку я видел, Вику эту. Она бежала по коридору, и на ней лица не было. Ты скажи своему инспектору, если нужно. Или на твое усмотрение. Ты, Леха, у него вроде как в помощниках, я знаю. И правильно. Если найдете, так сначала мы сами разберемся. За Никиту.

– Не хватало нам только самосуд затевать в чужой стране, – пробурчал я, лишь бы не молчать. Перевел дух. – Тоша, когда ты ее видел? Куда ты шел? Зачем? Ты толком говори.

– Никуда я не шел. А вышел. Не спалось мне. Может, давление подскочило. Выпили-то сколько. Промаялся я у телевизора, тихо, чтоб Натусю не разбудить. А лучше не стало, куда там. Терпел, терпел, да и взял одну таблетку «адельфана» на одну «коринфара». Смотрю, минералки в баре нет. Закончилась. Запить только разве из-под крана, а что там за вода, бог ее знает. – Ливадин передернул плечами. (Уж с его-то брезгливостью из-под крана не станет ни за что.) – Дай, думаю, схожу к Никитке в другое крыло, за водой. Только вышел в лифтовый холл, как двери лифта раз – и настежь, и Вика эта, как смерть бледная, вон из него пулей, я еле-еле за угол спрятаться успел. Еще пристанет с разговорами. Постоял немного, пока она дверью в номер не хлопнула, да и пошел к себе. Отпустило меня, как будто.

– Значит, до Ники ты не дошел и его не видел? – на всякий случай переспросил я.

– Нет, не дошел, говорю же, отпустило меня. Так зачем было идти? – спокойно, будто ребенку, повторил мне Ливадин.

– Тоша, вспомни, дорогой! Это сверхважно. В котором часу ты встретил Вику? – умоляюще спросил я.

– И вспоминать нечего. Пока пережидал, на противоположной стене часы висели, такая керамическая тарелка, я все рисунок разглядывал. Рыбки

разноцветные в водорослях синих прячутся, а одна как бы из воды выпрыгивает. Так время на тех часах было пятнадцать минут второго. Ночи, конечно.

– А в чем она была, Вика? В смысле, одета? – спросил я. И не от делать нечего спросил. Мужу такой женщины, как Наташа, поневоле приходилось разбираться в дамских тряпках. – В том же платье, что и за столом?

– В каком еще платье? В шортах она была и в майке-боксерке. Знаешь, как на аэробику ходят. Платье передела, наверное, давно. И на ногах тапки такие резиновые, бесшумные, вроде теннисных.

– Стало быть, ходила на улицу. Иначе, к чему ей резиновые тапки? – вслух подумал я, и Ливадин услышал.

– Не может быть! Да и зачем? С Никитой едва знакомы! – вскричал Тоша.

– Тихо, тихо, – успокоил я его, – незачем, конечно. Но вдруг она видела? Убийцу – не убийцу, но что-то видела определенно. Оттого испугалась... Ты пока никому не говори. Я подумать должен. Главное, что и когда сказать Фиделю, то есть, – оговорился я, – инспектору Дуэро. Здесь с осторожностью надо, как бы невинным людям худого не вышло.

Сюрпризы теперь ожидали меня на каждом шагу, и я действительно призадумался, как и пообещал Антону. С одной стороны, если осторожничать без меры или самоустраниться, так дело о гибели Ники не сдвинется с места или сдвинется, но очень медленно. Как говорится, улитка едет, когда-то будет. Не век же нам на Мадейре куковать? А с другой-то стороны, очевидная опасность, как туман, опускалась и на мою голову тоже. Но все же я решил рискнуть. Впрочем, и выбора у меня не было. Письмо теперь становилось главным козырем, и с него-то и следовало начинать. Я отправился назначать свидание. Вике. И уж, конечно, не темной ночью. Я же не дурак. Просто позвонил в номер Юрасика, и она взяла трубку, сам Талдыкин всегда ленился поднимать свой зад к аппарату.

Договорился, что с утра составим друг дружке компанию и поплаваем в бассейне перед завтраком. Вика отозвалась охотно и даже с угодливостью. Я всегда сторонился ее общества и не очень скрывал, что для меня она – человек совсем случайный. И хотя никакого материального или матримониального интереса для Вики я не представлял ни сейчас, ни в будущем времени, она

старалась всегда угодничать и передо мной. У некоторых людей это в крови – своего рода снобизм особи, вышедшей из низов. Близкий друг богатого человека, пусть и бедный сам, тоже притягателен, потому что вхож туда, где тебя самого едва терпят. А если еще и с образованием, и будущий профессор университета, то благоговение возрастает вдвойне. Наташи это, само собой, не касается. Чихала она на приоритеты и университеты, как английская королева.

Ночью я спал из рук вон плохо. Отвратительно спал. Какие-то тревожные обрывки мелькали, и все время казалось, что звонит противный квартирный звонок. Вскрываешь открывать, а звонка никакого и нету. Потом проваливаешься в очередное беспокойное сновидение, и опять – дрынь-дрынь. А когда рассвело, я уж больше ложиться не стал. Вышел на балкон, сидел, курил. И думал.

Когда настало семь часов утра, пасмурного, оттого что солнце пока пребывало на затуманенной половине неба, я спрыгнул с балкона на дорожку. Не подумайте, что исполнил некий акробатический трюк. Высота там метра полтора от силы, и сразу оказываешься на прелестной отельной лужайке, а дальше бассейн, открытое кафе и море-океан. Сюда же выходят зал с тренажерами и веранда с галереей, откуда можно пройти на завтрак. Полминуты ходу. А иначе пришлось бы тащиться через холл, спускаться в лобби, все по темным коридорам. Уж лучше я вспомню мальчишеское, дачное озорство, а ранние иностранцы пусть себе думают, что хотят.

Вика уже ждала у бассейна. Ежилась от утреннего холодка в своем сильно открытом купальнике, но в воду, для пущего комфорта подогретую, лезть не спешила. Наверное, от надуманной учтивости. Мне же совсем не нужно было, чтобы девушка из-за меня мерзла полуголой на свежем ветерке.

Мы нырнули. Один раз проплыли туда-обратно, бассейн у нас хороший, длинный, изгибается под искусственными мостиками, мимо островков с трамплинчиками, и заканчивается возле огромной сидячей купели с джакузи. На мелком месте остановились передохнуть. И я сказал:

– Бедный Ника, так и умер, не узнав. Что ты у нас, оказывается, детективный агент, – и, не дожидаясь ответа, резко поплыл прочь.

Теперь оставалось ждать – или удара по затылку, или готовности противной стороны в лице Вики пойти на переговоры. Я немного все же рисковал – вокруг, как назло, не было ни одной живой души. А что, если Вика и в самом деле наемный убийца, хитрый и осторожный? Сейчас и узнаем. Я не оглядывался по сторонам и не смотрел назад, плыл себе потихоньку, стараясь выглядеть непринужденно, словно кот, намеревающийся красть хозяйскую сметану. А спине, однако, было неприятно и холодно. Как если стоять у пропасти, отвернувшись, и знать, что за тобой ничегошеньки нет, кроме смертельной пустоты. Но напрягался я напрасно, Вика скоро догнала меня. Да я и не спешил.

– Ты знаешь, что я работаю на агентство? – робко, заплыв сбоку, спросила Вика.

– Теперь знаю. «Элит-конфиденс», столичная контора. Письмо пришло Нике, а получил я. – Больше не сказал ничего, поплыл аккуратным брассом дальше.

– И что будешь делать дальше? Расскажешь все Талдыкину? – жалко усмехаясь, поинтересовалась Вика.

Она явно была глупа, какой из нее киллер. Меня отпустило, хотя теперь все стало еще непонятнее.

– Талдыкину – вряд ли, – честно признался я. – А вот инспектору Дуэро наверняка. Тебя предупреждаю, чтобы после не попрекала: почему не предупредил. Сама понимаешь, таить подобную информацию от следствия нехорошо. Тем более, Ника был моим другом... – Я многозначительно замолчал, будто бы продолжая фразу в уме: «А ты, Вика, мне никто».

– Лешенька, то есть, Алексей Львович, замолвите за меня словечко! – Вика обогнала меня и теперь заглядывала в лицо. (Уж я стал и Алексей Львович.) – Я вам все, как на исповеди, расскажу.

Блеснула и слеза, наверное, напугалась девушка не на шутку. И я сжалился.

– Вика, вы неправильно меня поняли. Я вовсе не намеревался выставлять вас в таком свете, будто вы убийца и черт знает кто. Но и вы должны мне все рассказать. Никому больше можете не говорить, но мне – должны, – строго сказал я, как на экзамене нерадивой студентке. – Кто вас нанял и послал сюда. А главное – зачем?

– Это все мадам Талдыкина, – боязливо, но и не слишком уважительно, отозвалась Вика. – Она меня сама отобрала из всех кандидаток. В нашем агентстве, знаете ли, случаются иногда задания, что не очень приятно выполнять. Но служба такая.

Вика сказала о службе, чтобы я, упаси бог, не приравнял ее к обычным, пусть и недешевым проституткам, а увидел бы в ней чуть ли не подругу Джеймса Бонда. Что ж, если это польстит ее тщеславию, мне не жалко. Хотя большой разницы между ней и просто девицей по вызову я не разглядел.

– И что же поручила вам мадам Талдыкина? – в тон Вике спросил я, как бы согласившись с благородным статусом ее работы. Прозвучало по-деловому, точно в офисе договариваются два партнера о лучших условиях продажи кафельной плитки.

– То же, что и все. Познакомиться. Соблазнить. Добыть компромат. С Юрием Петровичем было несложно. У меня уже два цифровых картриджа лежат в чемодане. Половину – хоть на порносайт... Вообще-то он дядька не злой, – с откровенным сожалением призналась Вика. Она и сама бы не отказалась от такого, как Юрасик.

– А вам не показалось странным, милая барышня, что этот, скажем... гм-э-э... заказ вы получили именно от мадам Талдыкиной?

– Чего же странного? Обычное дело. Жены-то чаще всего и обращаются, вы не поверите! Для развода там, или детей отобрать из-за аморального образа жизни. В суде очень даже проходит, – пояснила мне Вика.

– Весьма может быть... Вернее, могло бы быть. Только Юрий Петрович официально не женат, и у вашей мадам Талдыкиной наверняка другая, своя собственная фамилия. Так что разводиться им незачем. А для детишек наш Юрий Петрович ничего и не жалеет, тем более что видит их пару раз в год, с его-то образом жизни.

Именно в этом и была вся проблема. Моему динамиту по-прежнему не хватало запала. А серой пахло все сильнее. Вику послала жена Юраси, а зачем послала? Как можно развестись с тем, кто на тебе даже не женат? Или все-таки киллер?

Завещание, наследство. Бред, все равно бред. Зачем для этого ехать на край света? В Москве возможностей у той же Вики куда больше. А подозрений меньше. Непрофессионально как-то.

Нечистота вдруг приоткрывшейся мне тайны ударила по психологическому, внутреннему обонянию смрадом ассенизационного обоза. И в этом дерьме предстояло искать дальше.

– Вика, мне отчего-то кажется, что вы знаете кое-что еще.

Я сказал настолько твердо, чтобы и сомнений не оставалось. Уж я-то, дескать, знаю, и только жду чистосердечного признания. Иначе – инспектор ди Дуэро и все вытекающие последствия. Я вовсе не хотел нарочно запугивать бедняжку, но мое дело было прежде всего.

– Я не знаю, не знаю! Честное вам слово даю, Алексей Львович. Я только видела издалека, – захныкала Вика, сбилась с ритма и хлебнула воды.

Я перестал загребать руками, остановился, помог ей отдышаться. Потом аккуратно отбуксировал к краю бассейна. Мы уцепились для надежности за поручень.

– Так что же вы видели или не видели? – спросил я словно бы равнодушно, а сердце при этом выстукивало уйму ударов в минуту. Если бы оно внезапно вырвалось из моей груди, то взбило бы нежную голубую воду в сливочную пену.

– Мне кажется, я видела убийцу, – страшно скрививши свое кукольно-красивое личико, прошептала Вика, не понарошку испугалась вырвавшимся у нее словам и спрятала от меня глаза.

Глава 4

Once upon a time

Нас давно уж было трое. Как три мушкетера, и на всех – одна Констанция Бонасье. Или королева Анна, или Миледи, ей бы подошел в некоторой своей части каждый персонаж. Это я о Наташе. А к чему говорю? Позвольте уж объяснять наше общее прошлое постепенно и по частям, чтобы излишне не утомлять внимание. Немного здесь, немного там. Потому что без прошлого непонятным увидится и настоящее.

Мы не то чтобы выросли вместе. Хотя и вместе тоже. Но и каждый сам по себе. Жили, да, рядом. В одном доме жили, кроме Наташи. Ее пятиэтажка стояла напротив, но двор был у нас общий. А во дворе – небольшой, с пятачок, стадиончик, игровая площадка с дощатым ограждением и металлической сеткой, натянутой поверху. На зиму заливался каток, и получалось вполне сносное пространство для хоккейных забав. Доморощенные Третьяки и Фетисовы летали тут с дешевенькими клюшками, а вместо настоящей шайбы иногда гоняли черт знает что. На площадку вечерами светили два фонаря, крики разгоряченных атакующих и ругань вратарей не смолкали до поздней ночи. Но никто из обывателей возражений не высказывал, по крайней мере, громко. Пусть уж лучше детвора носится с клюшками, подражая хорошим в общем-то примерам, чем нюхает клей по дворницким и подвалам. Летом, само собой, стадиончик оборачивался футбольным полем, а когда играли и в городки, это – по настроению.

И миновать нашу площадку окрестному подрастающему поколению не было никакой возможности. Она представлялась такой же неотвратимой вехой пути, как для незабвенного Венечки Ерофеева – Курский вокзал. Здесь кипели страсти и сражения, начинались ссоры и коалиции союзников, любовные симпатии к девчонкам вспыхивали тут же, у дощатой ограды. Иногда над головами витали городские легенды о случайно проходящих мимо тренерах ЦСКА и «Динамо» и о каких-то немедленных приглашениях наших хоккейных головорезов прямо в сборную страны. Врали напропалую и также безоглядно верили в самые фантастические выдумки. Что татарин-дворник дедушка Рустик в войну был турецким шпионом у немцев, перевербованным после советской разведкой, но плохо выучил русский язык и с тех пор вынужденно работает в нашем ЖЭКе. Что баба Катя из третьего этажа, громкая старуха с ярко накрашенными губами, служившая некогда провизором аптеки в Охотном ряду, на самом деле в сорок пятом вместо Егорова водрузила флаг над рейхстагом, только об этом умолчали, потому что женщина.

Я и сам морочил головы приятелям и подружкам, будто мой отец – международный журналист и вечно в разъездах, оттого редко бывает дома. А он давно уж был с нами в разводе, и лишь пару раз в месяц навещал, преимущественно меня. Отец вообще мало когда выезжал из Москвы. Видный работник Госплана, в основном бумажный, он, как номенклатурный служащий, был человеком обеспеченным. В новой его семье уже имелся чужой ребенок, худосочный и болезненный мальчик Ванечка, и родных детей, кроме меня, у отца не предвиделось. Потому и щедрость его ко мне не знала бы предела, если б не мамины возражения. Красивые, дорогие импортные джинсы? Да, пожалуйста, но не более одной пары за раз. Если куртка-«аляска», тогда не нужно дубленку. И так во всем. Я не жаловался, и без того одет был куда лучше многих. А как учила мама, излишества развращают человека. И я не давал себя развращать. В школе ратовал за идеалы, и очень складно, потому что избирался постоянно то в председатели ленинского совета, то в учком, то в совет дружины. Но товарищей, истинных и близких мне, как ни странно, там не приобрел. Друзья мои находились здесь, на этом самом футбольно-хоккейном пятакке, и никаких иных я не желал себе.

Ника Пряничников был на год младше меня, а Тошка Ливадин – тот мой ровесник. Играли мы, уж конечно, в одной команде. Тошка и Ника, как получится, то в нападении, то в защите, оба уже тогда отличались завидными габаритами. А я, как самый вертлявый, пусть и тощенький в сравнении с ними, обычно стоял на воротах. Футбольных или хоккейных, все равно. Но никаких тычков и выкриков «эх, шляпа!» в свой адрес никогда не получал. И вовсе не потому, что был уж таким идеальным вратарем. А просто из-за своей привычки вступаться за справедливость. Тут тоже не обошлось без влияния мамы. Все должно происходить по закону и точка. Если сжулил или провел нечестный прием, – будь любезен, отвечай. И я требовал нарушителей к ответу. Вообще-то в то время я несколько верховодил своими друзьями, если можно так сказать. Конечно, Ника и Тошка были и сами неглупы и с усами. Но и руководство мое скорее получалось тайным, чем явным. Я выступал арбитром в спорах и разрешал их настолько безапелляционно и доказательно, что являлся для своих товарищей последней инстанцией: как Леха скажет, так и будет. Эдаким самодельным Протагором выступал, как мера всех вещей. Теперь и вспомнить смешно.

Семьи Ливадиных и Пряничниковых были попроще моей. Середнячки-интеллигенты, перебивающиеся от получки до аванса. У Ливадиных пели под гитару, сооружая подчас стол для гостей на последние деньги. Отец Тошки, бородатый и громогласный, оголтелый походник и любитель отечественного

экстрима на байдарках, собирал приятелей толпами. Потому дом у Ливадиных не отличался даже относительным достатком. Тесные, потрепанные кроссовки на любые времена года и отцовская брезентовая куртка, на рукавах в подпалинах от костров – вот и вся Тошкина одежда. Но мне она казалась верхом романтики и куда лучше моего собственного, заграничного «прикида». А родители Никиты, те были просто очень пожилые люди. Первый их ребенок, тоже сын, погиб лет в двенадцать, несчастливо и глупо, об этом в нашем доме все знали. Выскочил на проезжую часть, и тормоз у новенького вроде велосипеда не сработал. Так что Никита, поздний ребенок, был единственной их отрадой. Сам глава семьи Пряничниковых, кажется, уже к седьмому моему классу, не работал, часто хворал, и оттого пребывал на одной лишь заслуженной пенсии. А какова она у рядового инженера теплоцентрали, надо ли объяснять! Мама Ники, учитель начальных классов, тоже не приносила в семейный бюджет тысяч рублей. Так что жили Пряничниковы, по выражению их соседей, «чистенько, но бедненько». Вообще, в нашем доме контингент жильцов изменялся крайне редко. Старые дома и особнячки в районе Бауманского училища, старая Москва, чуть ли не петровской застройки, старые парки и старые узкие улицы, старые кряжистые деревья и старые люди. В этой атмосфере, редкой для большого города, я и вырос.

С Никой и Тошкой мы учились в разных школах. Они – по соседству, в так называемой школе «дворовой», то есть обыкновенной. А я в испанской, специализированно-языковой, куда меня определила мама, Августа Романовна. И как всегда, прежде чем принять решение, разъяснила мне, первокласснику:

– У тебя, Лешенька, способности к языкам. А способности надо развивать с детства.

И я не спорил. Надо так надо. Мама вообще все и всегда знала лучше. У нее была тогда такая работа – смотреть, чтобы человеческая жизнь происходила правильно. Звучит забавно, но мамина должность именовалась так: заведующая отделом идеологической работы райкома партии. Поэтому и квартиру мы занимали большую, трехкомнатную, маме полагался еще и кабинет. Правда, дом наш был самым обыкновенным. Древняя, кирпичная пятиэтажка, еще досталинских времен, без лифта и мусоропровода, с газовыми колонками на кухнях. Но в нашей квартире мама прожила всю жизнь, и ее родители тоже, какое-то время – и мой отец. И менять ее на что-то иное, пусть и более благоустроенное, мама не желала ни за какие сладкие коврижки.

Друзей моих, Нику и Тошку, мама моя жаловала и охотно принимала в гости. И как всегда, откровенно объясняла мне, почему так. Во-первых, все же дети из интеллигентных семей, хотя Ливадин-старший и сомнителен в плане мировоззрения и будто бы тяготеет в симпатиях к диссидентам, но тогда это даже было модно. Во-вторых, родители их явно не избалованы материальными благами. Не оттого это хорошо, что мне, ее сыну, не придется им завидовать, а оттого, что тряпки, «видики» и карманные деньги не станут тематическим предметом нашего общения. Так все и вышло. Мы гоняли шайбу и мяч, ходили в кино и в гости, в складчину собирали медяки на мороженое, менялись книжками о приключениях. Густава Эмара на Фенимора Купера. Юлиана Семенова на Эриха Ремарка, но это позднее.

Я уже не очень точно помню день и число календаря, когда на нашем горизонте появилась Наташка. Длинноногое, костлявое существо с темно-рыжими волосами, вьющимися колечками и мягкими даже при случайном прикосновении. У нее в ту пору, кажется, были веснушки, но не слишком заметные. И зелено-серые глаза с рыжими же ресницами, умевшие глядеть на тебя удивительно неподвижно. Тогда, на детском ее личике, крупный и широкий рот Наташки смотрелся немного вызывающе и неуместно и как бы подчеркивал скуластую худобу щек. Но она и в те давние времена все равно была красивее всех. При первой нашей с ней встрече Наташке стукнуло целых двенадцать лет. А нам – по четырнадцать и тринадцать соответственно. То есть мы с Тошкой уже принципиально интересовались девчонками, а Ника из солидарности нам подражал, хотя вполне еще мог променять любовный интерес на хорошую модель коллекционной игрушечной машинки.

Наташка, как и большинство девчонок до нее, однажды возникла возле той же дощатой ограды дворовой площадки. Да и как было ее миновать – все дороги в нашем квартале вели в Рим! Происходила девочка, как выяснилось впоследствии, из «офицерских домов». Так называли у нас несколько хрущевских пятиэтажек с противоположной стороны стадиончика, нарочно построенных для военнослужащих двух близких к нам училищ и одного солдатского гарнизона. Что-то вроде обыкновенных общежитий. Там текучесть населения была порой стремительна, не то что в моем капитально застойном доме. Наташкин отец носил новомодное в те времена звание прапорщика и надзирал за курсантами бронетанковой академии в моменты строевой и внеучебной подготовки. То есть был своего рода дядькой-воспитателем. А значит, не полноценным офицером. Потому Кузнецовым досталась только крошечная однокомнатная квартирка, и та на первом этаже. Настолько низком, что при желании можно было даже заглянуть в окна, если как следует

подпрыгнуть. Что мы проделывали часто, пытаясь вызвать Наташку на двор погулять. Родом Наташка, по ее уверению и согласно метрике, была из города Челябинска, но из-за военного образа жизни родителей сменила великое множество мест обитания, некоторые и сама помнила с трудом. В Хабаровске и Калининграде, и чуть ли не на Кушке довелось служить прапорщику, а до этого старшине Кузнецову. И вот повезло, добился направления в столицу после тяжелого ранения в Афганистане. Он очень заметно хромал на правую ногу и потому ходил с палочкой. Это выглядело не то, чтобы необычно, а даже нелепо – военный в форме и с кавалеристскими усами, и вдруг в руке какая-то старушечья подпорка. Ребята иногда хихикали за его спиной.

Наташку я отметил сразу, и, как оказалось впоследствии, Тошка обратил на нее внимание тоже, лишь только увидел. Я помню синее в желтый цветочек платье, короткое и прямое, из дешевого нейлона. Помню лето, и что было около трех часов дня, и очень жарко. Учебный год уже закончился, а лагерно-пионерский сезон еще не начался. Площадка жила своим собственным ритмом и правилами. Желających сразиться в футбольной баталии было великое множество, и потому играли по очереди. Мы как раз ждали своей – «на победителя», считали время на часах (два тайма по пятнадцать минут), притоптывали от нетерпения. В такую минуту никогда не до девчонок. Но на сей раз вышло нам исключение.

Наташка еще никого во дворе не знала. Она вообще нашла площадку впервые. И стояла, прислоняясь всем телом к забору, заглядывала через проволоку, тарасилась на игру неподвижными внимательными глазищами. Ей совсем было наплевать, что она ни с единой душой тут не знакома, не смущалась и под косыми взглядами других девчонок, всегда нарядно одетых для посещения дворовых игрищ. Ведь наша площадка для них служила своего рода выходом в свет. А тут голые ноги, не слишком чистые на коленках, довольно топорные и разношенные босоножки неопределенного цвета, дешевенькое платье, годное разве для выноса мусора. Девчонки презрительно морщили носы.

А мне понравилось все. И сразу. Вот взяло и понравилось. И платье невозможной, безвкусной расцветки, и голые коленки, и даже уродливые, выдавшие виды развалюхи-босоножки. И весь ее, какой-то безыскусственный деревенский вид. А главное – глаза и волосы, и не знаю, что еще. Антошка, наверное, увидел то же. Потому что подошли мы вместе. Забыв про игру и про все на свете. И хором сказали, не сговариваясь:

– Привет! – и в первый в жизни раз посмотрели друг на друга с ревностью.

А Наташке тогда было всего двенадцать лет, и она закончила пятый класс. Но из-за высокого роста мы решили, что она старше.

– Ты откуда? – Это спросил Тошка.

Она ничего не сказала, просто ткнула пальчиком в один из «офицерских домов». А я хотел услышать ее голос и потому тут же нашел форму вопроса, на которую нельзя было откликнуться только жестом:

– А как тебя зовут? – и для вежливости прибавил: – Меня – Лешей, а это – Антон.

– Ташка, – ответила она, но даже не улыбнулась, а как бы спросила одними глазами: «И что дальше?» И опять замолчала.

– Ничего, – вдруг сказал я вслух. Действительно, а что дальше?

И тут она захихикала, лед был сломан. Мы еще о чем-то говорили наперебой, кажется, поведали ей, где живем и в каких школах учимся, а после Ника громко и нетерпеливо окликнул нас, чтоб перестали женихаться. Пора было выходить на поле.

Мы стали дружить. Вчетвером. Ника сперва воротил нос, зачем нам еще девчонка. Но через год и он, повзрослев, перестал выдвигать возражения и тоже включился в Наташкину свиту. Так у нее образовалось в окружении уже три верных рыцаря, вечно суесящихся и мешавших друг другу. Со стороны все это, конечно, сильно напоминало собачью свадьбу, но мы были подростки и еще не умели правильно строить отношения. Что наша дружба тогда уцелела и, напротив, даже сделалась более нерушимой, чем прежде, достойно немало удивления. А может, дело было не в нас, а в Наташкиной врожденной природной мудрости, и сохранением нашего единства мы были обязаны именно ей. У нас развился своего рода благородный конкурс на право угодить и услужить, не всегда, однако, бескорыстный с судейской Наташкиной стороны. Мы вообще в то время напоминали фирму «Заря», добросовестно работавшую на одного-единственного клиента.

Мама Наташку не одобряла. И на сей раз уже не объяснила мне почему. Только поджимала губы и голос делала подчеркнуто сухим, когда с моими друзьями

заходила в гости и Наташка. А мне не пришло в голову тогда выяснить с мамой отношения. Я наивно и чистосердечно предполагал то, что вычитал в книжках: все дело в ревности между женщинами. Хотя повода явно не было. Наташка не очень предпочитала мою особу остальным, иногда казалось даже, что она побаивается меня. И это было почему-то лестно. С Никой она держалась запросто, иногда и помыкала, но по-дружески. А с Тошкой случалось ей выглядеть капризной и непостоянной мучительницей. Так что к десятому классу, к его окончанию, стало ясно, что среди нас кончилось равноправие, и сложилась пара. Ташка и Тошка. Так мы и стали их называть.

Что я почувствовал, когда это понял? Что выбор сделан и что не в мою пользу? Мне и сейчас довольно легко припомнить и представить мои настроения и мысли. Я не ощутил обиды и не возгорелся ревнивым мщением. И вот отчего. Будучи своего рода арбитром-демагогом для своих друзей и не без помощи маминого воспитания, конечно, я как-то изначально ставил себя изнутри выше любых своих сверстников. Отличник в школе, – а, кроме испанского языка, я с репетитором довольно хорошо усвоил и английский, – комсомолец-общественник, без особых усилий достигающий вершин в ученических комитетах и бюро, начитанный и натасканный «как нужно», я многое позволял во мнении о себе самом. Сначала дело, в данном случае – учеба и прямая дорожка в университет, а девушки потом. Когда между Ташкой и Тошкой обнаружился роман, тогда еще чистый и юношеский, я тоже посмотрел на него сверху вниз. Так, наверное, взирал бы император на отношения между своим порученцем-адъютантом и придворной фрейлиной. Оставляя за собой возможность всегда вмешаться и обратить симпатии в личную пользу. И я по глупости думал в то время, что еще успею, что не к лицу мне суесться, даже покровительствовал с долей снисходительного высокомерия. Мол, мне Наташка тоже нравится очень, но в жизни сперва надо стремиться, а после уж устраивать сердечные дела. И я стремился, и мама меня убеждала в правильности моего пути. А на самом деле я всего лишь зализывал рану. Цель, однако, видел ясно. Сперва факультет филологии, потом карьера ученого-языковеда, профессорский статус с течением лет, загранкомандировки и симпозиумы, и главное – все это политически нейтрально, и лингвистика всегда нравилась мне. Я уже знал работы Шлейермахера и Гумбольдта и увлекался теориями Леви-Стросса. Успех при настойчивости и регулярных занятиях представлялся мне гарантированным в будущем. Но чтобы быть откровенным до конца, сообщу о себе еще одну вещь. Которую тогда полагал даже за достоинство. Мне не хотелось суесться там, где требовались чрезмерные усилия, на мой взгляд, не соответствовавшие награде. А при Наташке надо было суесться и еще как. Отваживать случайных ухажеров, потакать капризам, иногда взбалмошным, иногда откровенно

материальным. И всегда пребывать в готовности куда-то идти, сопровождать или спешить по поручению. А Наташка, как любая красивая девушка, требовала себе жертв. Вот Тошка, тот вертелся. Мальчишкой еще подрабатывал грузчиком в нашем продуктовом магазине и на почте, когда и пренебрегая учебой, копил рубли, а на них покупал косметику у спекулянтов возле «Лейпцига» и «Ядрана», какие-то кофточки и колготки, на большее не хватало, и все добытое складывал к Наташкиным ногам. Правда, и мы с Никой, скорее из сострадания и товарищеского долга, участвовали в этом процессе, как могли, в основном небогатыми карманными деньгами. И о будущем Антон размышлял теперь исключительно в прикладном смысле, чтобы удержать свою любимую и дать ей все, что получится и даже через «не могу». Одно время Тошка подумывал пойти в автослесари, но родители удержали от опрометчивого шага. Тогда, получив аттестат, Ливадин и подал документы в строительный институт, еле-еле прошел, набрав баллов в обрез, но все же поступил. А ведь мечтал совсем об иных далях и просторах, и в воображении своем видел себя геологом и скитальцем по сибирским чащам и алтайским горам. Но отказался – уже ради другой мечты и цели, и отказался с сожалением, как я понимаю теперь. Когда Наташка оканчивала школу, его, разумеется, «загребли» на военную службу. Конечно, в армии побывали мы все. Но Антону повезло меньше. Я кантовался в полковом политотделе на агитационной работе под Гродно. Ника, как призер юношеских соревнований по вольной борьбе, выступал за Ленинградский военный округ, он вообще имел право не служить, как единственный кормилец престарелых родителей. А Ливадина уехали в общевоинскую часть в районе Салехарда. Оттуда он вернулся сумрачный и худющий, при его-то росте в метр девяносто выглядел, как скелет древнего атланта. Два зуба были потеряны в неравной стычке с местными «дедами» еще в первый год, глаза его, всегда мягко-орехового цвета, теперь глядели по-волчьи. В оставшихся зубах он то и дело мял «Беломор» и не расставался с любимым армейским ремнем, где под звездой была залита свинчатка. Какая-то мнительная подозрительность вдруг пробудилась в нем. И сразу, как вернулся, (а пришел Антон раньше меня), кинулся искать Наташку. Писем от нее не было уже давно. А на дворе стоял восемьдесят восьмой год, и все только еще начинало переворачиваться с ног на голову.

Наташка уже перестала быть той Наташкой, какую мы все знали. Школу она окончила с грехом пополам, хотя с ее-то способностями могла бы заработать и медаль. Но учебу она всегда мало во что ставила, и лично мне это казалось странным. Как же пробиваться в жизни без надежного диплома? Святая простота был я тогда. А Наташа пробиваться и не собиралась, по крайней мере, в том направлении, какое я имел в виду. Никуда дальше за образованием она не

пошла, даже в плохонькое училище или техникум не подала документы. А устроилась в кооператив – из тех, что только нарождались и были полуразрешены законом. Шили там из наидешевейшего, крашеного простыночного ситца разнообразные рубахи с пластмассовыми заклепками и все сплошь в иностранных надписях, проклеенных кустарным способом. Что разлетались «на ура» среди прибывших в столицу недотеп-провинциалов из молодежи. Оттого торговля шла преимущественно на вокзалах и около крупных универмагов с самодельных лотков.

Наташа сначала что-то шила, получала за труд даже неплохие деньги. Но позже владелец кооператива, пробивной и заполошный армянин Тигран Леванович, приблизил ее к своей особе и усадил за учет продукции. А дальше – как водится. Подарки, рестораны и красивые обещания. Тут и перестали Тоше приходиться письма. Наташа уже ездила по Москве на стареньких «Жигулях», которые Тигран Леванович купил для нее с рук, одевалась исключительно у спекулянтов, даже отца пристроила сторожем на склад. И все так же смотрела на мир равнодушными и спокойными ко всему глазами. Будто и сама не понимала, зачем родилась на свет.

Приезд Тошки положил этой «красивой» жизни решительный конец. Пущен был в ход и ремень со звездой. Как оказалось, напрасно. Тигран Леванович о прошлом Наташки ничего не знал, ни о каких женихах на военной службе не имел понятия, он даже ни на чем не настаивал, а только соблазнял и предлагал, а уж ее дело оставалось – соглашаться или нет. Но Салехард был далеко, Тошкино будущее темно во облацех, а что думала она сама о смысле собственной жизни – и до сих пор представляет для меня великую загадку. Однако Наташку вернули. Ливадин ее не то чтобы простил, ни о каком прощении между ними речи не шло, но усиленно делал вид, будто ничего и не произошло. И снова стал вертеться. Из института – на стройку сторожем и разнорабочим, а по летнему времени подражался Тошка на халтуру ремонтником чужих квартир и дач и неплохо зарабатывал на зиму, руки у Ливадина всегда-то были что чистое золото. Жить им с Наташей тогда не имелось возможности ни у ее родителей, ни у Тошкиных, приходилось снимать квартиру в Бибирево за сто пятьдесят рублей. И эта квартира будто сделалась нашим клубом. Как у настоящих британских денди. Мы собирались к Ливадиным в каждый свободный вечер. Здесь, в Бибирево, отпраздновали и тихую их свадьбу, на которую пришли только Наташины родители. Антон из-за своей «необдуманной» женитьбы был для своей семьи отрезанный ломоть.

Наташа в те годы, как и в прочие другие, принимала нас охотно. Никакого хозяйства у Ливадиных почти и не было, жили они словно на бивуаке, но Наташа скучала и радовалась нашему с Никой приходу. Антон, наученный историей с Тиграном Левановичем, в нежной, но категоричной форме запретил ей искать работу. Тошке все мерещились коварные соблазнитель, даже на самой невинной государственной службе, вроде регистратуры местной поликлиники. Тогда Наташа от нечего делать стала читать, и, надо сказать, процесс ее самообразования пошел весьма успешно. Она записалась на курсы художественной фотографии, обнаружила в этом деле нешуточный талант – Наташу даже приглашали стажером в небогатую профсоюзную газету, – но Антон снова наложил свое вето. В редакции ведь как? Все больше мужчины, модники и лоботрясы, да еще командировки, от одной мысли о которых у Ливадина волосы вставали дыбом. И Наташа осталась дома, не возражала. Это тоже представлялось для меня не совсем понятным. Ведь в ее власти было принять любое решение и выбрать любой путь, ничего бы Ливадин поделаться с ней не смог, если б Наташа захотела. Но вот, не захотела. А поступила теперь уже на курсы английского языка, но так и не заговорила, хотя и я, в том числе, пытался ей помочь. Не хватало какой-то природной предрасположенности. Из-за которой один после первого же урока трещит, как попугай, а другой и за год зубрежки не свяжет между собой подлежащее и причастие в нужном падеже. Но, чем бы ни заниматься... как говаривал тогда Антон.

Нас осталось двое холостяков, я и Ника. Мы выбрали разные жизненные направления, однако удаленность наших стремлений только еще больше скрепила старую дружбу. Я полагаю теперь, что именно Ливадины, Ташка и Тошка, как катализатор в химической реакции, спаяли меня и Нику в один сплав. Даже институтские интересы и знакомства не смогли нас разлить водой. А были они диаметрально противоположны. Для меня дорожка так и осталась прямой: без пяти минут дипломированный лингвист-филолог, моим коньком сделался неожиданно латинский язык. Хотя в новых политических реалиях в ней, в дороге, оставался малый смысл, но я решил: «Не замечать вокруг себя и стремиться». Вперед к профессорской короне. Да и не хотел я ново-русских хлопот. Кто-то может посчитать, что все это от лени и слабости характера, и многие так считали, кроме моей мамы, конечно. Зря. Именно сила воли, почти магическая, нужна, чтобы неуклонно следовать за самим собой в ситуациях, когда само это следование выглядит безнадежным и ненужным. Я отверг помощь даже родного отца, неплохо устроившегося и при нынешнем режиме, и по-прежнему держался прямого пути, потому что так хотел. Попробуйте сами и, может быть, поймете, какую каторгу я имею в виду. Это, что касается меня.

А Ника, изначально не слишком уверенный в своих желаниях, некоторое время метался. То он хотел сделаться авиадиспетчером и поступил в институт гражданской авиации, то вдруг бросил это занятие на втором курсе и после демобилизации перевелся в МАИ, желая теперь строить самолеты. А кончилось все профессией автомобильного конструктора. Что, вообще-то, меня не удивило, если вспомнить его изрядную коллекцию машинок – оставшуюся еще от детства святыню. Но вот чего Ника никогда не желал себе (я точно знаю), так это путь-дорожку бизнесмена и деляги, прежде всего считающего рубли. Да не устоял Никита Пряничников перед соблазнами демократической вседозволенности, надел на себя хомут и стал тянуть купеческую лямку. И все равно остался для меня любимым и лучшим на все времена другом, даже и после своей гибели.

А к чему я это поведал своим слушателям? А все к тому же. Что вот теперь, когда я рассказывал, отвлекаясь во времени на наши нехитрые истории, передо мной маячило все еще испуганное лицо девушки Вики. Которая сейчас чистосердечно призналась мне, что видела убийцу моего дорогого Ники. И мне смертельно необходимо было вытрясти из нее все, что ей, Виктории Чумаченко, известно об этом деле.

Глава 5

Туман все тает, а ясности все нет

Возле бассейна уже сновали первые ласточки-постояльцы, да и нам пора было двигать на завтрак, особенно если мы желали сохранить нашу «встречу на Эльбе» втайне. Значит, времени у меня оставалось в обрез, и откладывать допрос Вики мне не хотелось. Ведь стоит только человеку, тем более испуганному не на шутку, разговориться, так он выложит даже то, о чем желал бы умолчать непременно, а упустишь момент, потом не вытянешь и клещами даже слова. И я, действуя более по наитию, за неимением опыта в подобных делах, не старался скрыть волнения, по-заговорщицки зашептал прямо в ушко девушке:

– И кто это был? – Меня качнуло по инерции в воде, и я непроизвольно приблизился вплотную к Вике.

Она приняла игру в таинственность, взяла меня мокрой лапкой за плечо – издалека, наверное, казалось, будто в бассейне воркует два влюбленных голубка.

– Я не знаю кто, – тоже шепотом сказала Вика. – Я слышала сначала, как ваш друг вышел из номера. Люкс-то его рядом, и громко хлопнула дверь. Я выглянула совсем чуть-чуть – Никита шагал по коридору. Я хотела пойти за ним, как-то объясниться, может, он бы пожалел меня и не выдал. Но передумала.

– Значит, за Никой следом ты не вышла? – спросил я все так же тихо, как сообщник, уже фамильярно. Шептаться на «вы» с моей стороны повредило бы тактике. Я как бы взял вожжи и преимущество в свои руки.

– Сразу нет, не вышла. Я все раздумывала: надо или не надо. Он же был выпивший. И я выглянула на балкон, не проследить, нет, а так. Юрий Петрович все равно спал беспробудно, да еще очень храпел. – Вика будто бы оправдывалась передо мной.

– И ты с балкона видела убийство и убийцу тоже? – предположил я за Вику. Сейчас настал для нас обоих решительных момент, и развязку надо было поторопить.

– Да нет же! Никакого убийства я не видела, я вам этого не говорила. Там, на скалах, прямо у воды, сидели двое. Один был ваш друг, а кто второй, я не знаю. Я смотрела сверху. Две головы – его и чужая, в кепке или бейсболке, не разобрать в темноте. И два огонька от сигарет. Сидели они близко, будто страшными тайнами делились по секрету. И я опять подумала, что про меня. И уж тогда решила: выйду непременно! – Вика отчаянно тряхнула мокрыми волосами, словно переживала ту ночь заново. Полетели брызги.

– И ты пошла, – не спросил, а как очевидное, утвердительно заявил я. Значит, Тошка Ливадин ничего не перепутал, и это именно Вика, как испуганная ведьма с шабаша, пронеслась мимо него в ту ночь.

– Я пошла. Не быстро, потому что еще думала по дороге, что же мне делать, когда приду. Решила, что лучше мне потихоньку послушать, о чем они говорят, и в агентстве так учили. Я и обувь надела специальную, на толстой бесшумной резине. И сунула диктофон в карман.

Я так сжал поручень, что если бы толстенная железка была хоть чуточку менее прочной, обязательно треснула бы под моей рукой. Я судорожно сглотнул, настолько резки и непривычны оказались испытываемые мной ощущения, и даже будто почувствовал, как адреналин хлынул потоком в мою кровь.

– И что же вы услышали, Вика? – спросил я, невольно снова перейдя на «вы» и немедленно отстранившись от нее. Если она и играла со мной, то, стало быть, я имел дело с первоклассной актрисой и шантажисткой.

– Ничего я не услышала, в том-то и дело. – И тут Вика заплакала так неожиданно, что любой бы на моем месте растерялся. – Я опоздала. Ваш друг уже лежал лицом вниз, в воде, между камней, я и проверять не стала. Понятно, что мертвый. А второго, что сидел с ним, вообще не было. Я побежала оттуда поскорее – вдруг убийца еще где-то рядом! Так ужасно перепугалась. Да прямо на лужайке споткнулась, хорошо, что кругом трава. И знаете что? – словно припомнив неожиданное обстоятельство, Вика перешла на шепот: – Там, на пустом лежаке, валялась действительно какая-то кепка. Кажется, красного цвета.

– Ну, это еще ни о чем не говорит. Мало ли забывают вещей на пляже, – мягко успокоил я девушку. – Все же не нож и не пистолет. А кепка предмет не страшный и не смертельный.

– Да я знаю! Но тогда мне померещилось, будто убийца оставил мне знак. И я побежала, через какие-то кусты, поцарапалась, хотела закричать, но не смогла. Вы не сердитесь на меня?

– За что? – с ласковым недоумением спросил я Вику.

– За то, что убили вашего друга, а я не подняла тревогу в ту же ночь. Но вы поймите, я боялась очень. И сейчас боюсь. Сама не знаю, кого больше: того, кто убил, или вашего инспектора. Я теперь – первая подозреваемая. Ведь так?

– Не так. И успокойтесь. Никто, и я в том числе, не стал бы вас винить. А Нике вы все равно не помогли бы. Эксперты сказали, он умер почти мгновенно.

– Я совсем невезучая. Такое задание простое и денежное, и вот же, вляпалась! – сокрушенно потрянула головой Вика. Опять полетели брызги. – И диктофон казенный потеряла с перепугу. По дороге, когда убегала через кусты. Наутро пришлось искать, еле-еле нашла. Такая растеряха. В нем и батарейки сели.

– Он что же, всю ночь работал? – Я описал бы вам собственные чувства в этот момент, если бы они вообще могли быть переданы человеческими словами.

– Не всю, конечно. Часа четыре. Я его заранее включила, как учили. А едва увидела мертвеца, тут уж мне не до диктофонов стало. – Вика посмотрела на меня, как на диковинку. – Да не переживайте, у меня этих батареек три упаковки... Вы такой чувствительный и добрый.

И чуть ли не заигрывать со мной стала. Я, видимо, был для нее единственной надеждой на справедливость. А диктофон – это зацепка, как говорят в подобных случаях. Но тут начиналась компетенция инспектора Дуэро, и заниматься самодеятельностью дальше в одиночку было для меня уже опасно. Значит, пришло время повидаться с Фиделем.

Я выбрался из бассейна первым и подал Вике полотенце. Пусть успокоится и знает, что я ей друг. Теперь главное – доверие.

Бедняга Фидель, надо же, кругом ему морочили голову! Половина из подозреваемых не спит в ночь убийства, а бродит по отелю, теряет диктофоны, шпионит друг за дружкой, ползает по кустам и караулит лифты. Другая – лежит мертвецки пьяная и в свидетели не годится. Я уже не доверял и пьяным. Детективные агентства, интриги, деньги, завещания – все перепуталось. А впрочем, на что я рассчитывал, когда влезал в эту бучу? За каждым всегда идет по пятам его собственный скелет в шкафу, и никто не исключение. Но иногда именно в самой мутной воде ловится жирная рыба.

Такова уж природа гомо сапиенс – жить под лакировкой. И на низшем, физиологическом уровне: сверху чаще всего красивая оболочка или, по крайней мере, не устрашающая глаз, а под ней чего только не скрыто! Разъятое на детали тело выглядит отвратительно, даже врачи не сразу привыкают. И во всем остальном то же самое. Снаружи – благопристойность, внутри – подлинное и малопривлекательное «Я». Каждый знает в себе моральный закон и каждый точно так же считает, что соблюдать его обязан кто-то другой. В сущности,

только три вещи могут удерживать людей в рамках дозволенного: дружба, любовь и сильная воля. Но вот последняя всегда обоюдоострое оружие и самое страшное. Она может служить долгу, а может обратиться и против него. По одной собственной прихоти. И наиболее выдающийся пример в этом случае полного поражения «должно» перед «хочу» – библейский Люцифер, князь тьмы. Когда волеизъявление в единую секунду обратилось в гордыню и мир раскололся надвое. Святым жить в нем проще, ибо святые опираются на Господа и его истину. А отринутый от божественных благ надеется только на себя. Это своего рода падение и возвышение одновременно, когда индивид становится вдруг больше себя самого. И свободная воля здесь передается как бы в личное пользование, потому что уже не совпадает с благой и высшей волей. Но это касается только тех, чья внутренняя сила возникших желаний превышает нормальный уровень и может преодолеть инерцию и страхи общечеловеческого бытия. Все остальные просто плывут по течению обстоятельств. То есть совершают абсолютно мотивированные поступки. Бьют – беги, дают – бери. Убивают из корысти, предаются от страха, воруют из нужды, развратничают от пресыщения. Посылка, а за ней логическое следствие. Если бы все было не так, то и дедукция с большей частью криминалистики оказались предметами вовсе бесполезными. Самая безнадежная вещь на свете – ничем не мотивированное извне преступление. Поэтому, я думаю, так плохо поддаются расследованию дела, связанные с маниакальными правонарушениями. Потому что здесь дедукции нужно отталкиваться от темного и изначального у человека внутри, а не от того, что побудило его снаружи.

Итак, после завтрака я определил себе позвонить Фиделю. Но до этого предпринял на удачу еще кое-какие шаги. Как говаривал Ульянов-Ленин, давайте ввяжемся, а там посмотрим. Если не знаешь, что делать дальше, делай хоть что-нибудь, создавай искусственно причину, а уж следствие к ней непременно сыщется. Созрела у меня в голове и затейливая идея. И за столом, когда уже пили чай с джемом и булочками, я сказал, ни к кому конкретно не обращаясь, а к общему сведению:

– Сегодня встречаюсь с инспектором, – обыденно так сказал, как о повседневной вещи, – надо потолковать с глазу на глаз. – И нарочно украдкой посмотрел на Вику, чтобы успокоить: ее интересы я строго намерен охранять.

– Доносить пойдешь! – первой откликнулась Крапивницкая и уронила хлебный нож.

– Леся, как не стыдно, – упрекнул ее Ливадин, но очень уж вяло у него получилось.

– Мог бы и нам сказать, небось святости бы не поубавилось, – съехидничал Юрася.

– Мог бы, – ответил я и посмотрел. На Юрасика сурово, на Тошку грустно. – Однако тогда бы вышло, что слушать меня станет не только друг, но и...

Слово «враг» я произнести не успел, за столом разгорелись страсти. В основном по мою душу. Но я стерпел. А когда круги на воде улеглись, сказал:

– Хотите – верьте, хотите – нет, и вообще, как хотите. А у меня есть совершенно достоверные сведения о том, что убийца Ники сидит среди нас точно так же тихо и мирно, как он сидел рядом с Никой, прежде чем проломил ему череп. И я знаю про него еще одну подробность, которую и хочу передать инспектору.

Все смотрели теперь исключительно на меня, как совет присяжных на председательствующего судью, и ждали. Я выдержал паузу еще чуть-чуть, больше от озорства:

– Этот человек, как и наш покойный Ника, курил в ту ночь сигарету. Они оба курили рядом. Вот и считайте. – Я умышленно выдал факт, который Вика пропустила мимо внимания, а я отметил и запомнил из ее слов. Она видела сверху два огонька.

Девушка Вика робко улыбнулась мне. Еще бы, она теперь получается как бы косвенный и тайный пособник следствию, к тому же некурящий и в любом случае вне подозрений. И Юрасик, ее подопечный, тоже был доволен. Талдыкин принципиально никогда не прикасался к никотиновой отраве и выбывал из числа подозреваемых. Хотя, если вспомнить, в каком состоянии мы транспортировали Юрасю до кровати в тот злосчастный вечер, то и без отсутствия вредной привычки с Талдыкиным все было ясно. Чтобы пробоваться на роль коварного злодея, надо хотя бы как минимум самостоятельно стоять на ногах. Но, как я уже сказал, я не доверял даже пьяным, да и Фидель, пожалуй, тоже.

А над столом повисло то, что лирики называют безмолвием космоса. Олеська, нервно забегав глазками, смотрела по очереди то на Ливадина, то на Наташу.

Антон тягостным взглядом сверлил Крапивницкую. Наташа уставилась на меня. Круг курильщиков и подозреваемых.

– Ребята, не забывайте, я – один из вас, – нарушил я тишину и поднял со скатерти свою полупустую пачку «Мальборо».

Но меня принимать всерьез отказались. Только Наташа, потому что была обращена ко мне взглядом, вдруг замотала головой, будто отгоняла привидение.

– Ты это, Алексей Львович, ты скажи инспектору про меня, – вдруг радостно и льстиво хохотнул Юрася. (Вот и для него я стал, наконец, Алексеем Львовичем.)

Но я решил призвать Талдыкина к порядку, чтоб не расслаблялся. Уж очень противно он дрожал за собственную шкуру. А бедный Ника мертв.

– Я скажу. Но имей в виду: сигареты могли быть только маскировкой. Если убийца дальновиден и хитер.

– Не курящий я, – скатился тут же в жалобную тональность Юрасик. – У меня аллергия на табак, задохаться начинаю. Могу и у врача подтвердить, если понадобится.

– А курить и не обязательно было! – зашипела на него Олеська. – Можно сигарету зажечь и так сидеть! Или у тебя на зажигалки тоже аллергия?

– Ишь, с больной головы на здоровую! Сама маху дала, а сама... – Юрасик торжествующе оглядел присутствующих, будто вдруг открыл Америку. – Она своего мужика и грохнула! Стал бы Никитка у водички романтику с парнями разводить, чай, он не пидор. С бабой он сидел, вот что!

– Я в номере спала! – завизжала Олеська, и хорошо, что Талдыкин далеко был от нее за столом. Вцепилась бы в морду, не иначе. – Я много выпила!

– Ага, нахрюкалась, как свинья! А то – «много выпила»! – заржал Юрасик в ответ. – Это я спал, бревно бревном. А вот он, он... – тут Юрасик толстым, коротким пальцем указал на Ливадина, – он ни в одном глазу мух не гонял. Как стеклышко был, хоть и стрескал полбутылки.

– У меня давление подскочило, – пока еще спокойно ответил Тоша. – И вообще, излишества не по моей части... Мне с Никой не было что делить, – немного подумав, добавил Ливадин, то ли в оправдание, то ли чтобы просто отстали от него с глупостями.

– Как же, не было! – опять злоядно хохотнул Юрасик. И уже успел посмотреть на Наташу, и уже чуть было не произнес ее имя вслух. Но внезапно затормозил, ему в голову пришло одно симпатичное соображение, и оно отразилось на пухлом от пьянства лице Юраси. Ведь Наташа тоже, выпив, бралась за сигареты, а свое виски с колой редко когда пила сверх меры, точнее, никогда. В ту ночь тоже.

Видимо, такое соображение пришло на ум не одному Юрасе. Мимо меня просвистело нечто тяжелое (оказалось после, что гранитная пепельница) и упал стул.

– Ах ты гад! Не смей трогать!.. Не смей даже произносить! – загудел Тошка.

И вот по полу уже катались два тяжелых мужских тела, сопели и мутузили друг дружку кулаками. Юрасик отбивался, имея на своей стороне преимущество толщины, Антон лупил его сверху, впрочем, от злости то и дело промахивался. А сбоку от наружной галереи уже бежали дюжие молодцы гостиничной «секьюрити».

– Сука! Злыдень писюкатый! – поросенком визжал Юрася, опасаясь под горячей кулачной расправой выразаться более крепко и оскорбительно.

Но скоро его мучения прекратились. Аккуратно и даже нежно ребята в темных одинаковых костюмчиках разняли драчунов, блокировали им руки за спиной. Ни я, ни наши женщины даже не успели вмешаться.

– Все в порядке. В порядке, – успокоительно обратился я к охранникам по-испански. – Небольшое недоразумение в русских традициях. Стороны больше претензий друг к другу не имеют, – я указал на наших драчунов, после огляделся вокруг, – имущество отеля не пострадало. А окружающим и дирекции приносим извинения.

Охранники ослабили хватку, но смотрели все еще холодно и недоверчиво. Я тут же, продолжая улыбаться, на русском языке повелел, как можно строже:

– Немедленно сделайте вид, что помирились, устыдились и извиняетесь. Иначе вы будете ночевать в полицейской каталажке, а мы, соответственно, на улице. Потому что из отеля нас как пить дать выселят.

Моя короткая речь произвела впечатление. Посыпались дружелюбные «о'кей!» и «ол райт!». Юрасик украдкой полез в карман и втихую сунул охранникам пару сотен евро. Инцидент был исчерпан. Старушонки за соседним столом, крашенные блудливые мумии, кажется, даже пожалели, что представление окончилось так скоро.

С Фиделем я сговорился о свидании в полдень. Не на пляже отеля, конечно, но и не в полицейском управлении. Мы оба не имели в виду придавать нашим встречам официальный характер. Время randevu назначил Фидель и место выбрал символическое – возле старинного военного форта, впрочем, и сейчас служившего одновременно музеем и частью своей казармой для малочисленного островного гарнизона. На Авенида Арриаджа я отправился пешком. За полчаса вполне можно было дойти, не торопясь и с запасом, даже и по нещадной жаре. Само собой, такси от отеля доставило бы меня за какие-то минуты, но стоило чертовски дорого, содрали бы не меньше десятки. А деньги на собственные расходы у меня подошли к концу, да и изначально их было в моем кармане не много. У Антошки я, разумеется, мог взять в любую секунду и без проблем сколько угодно, только никогда бы себе не позволил. Довольно и того, что друзья, как обычно в последние годы, полностью приняли на себя расходы по моей туристической поездке и заплатили за сомнительное удовольствие от моего общества хорошую цену. И отель, и переезды, и экскурсии, и рестораны, и даже счета в баре – все это ложилось на плечи Ники и Антона. И не в долг, мне подобные суммы взять было неоткуда. Никита не придавал своему спонсорству вообще никакого значения, будто так и разумелось от начала творения. Ливадин же, тот делал вид или действительно считал, что я оказываю ему услугу, соглашаясь принимать материальную помощь и не обижаться при этом на дающего. Для посторонних все это выглядело непонятным, но никто из нас и не желал объясняться по такому поводу.

Так что я пошел, как было уже сказано, пешком. Вдоль сияющего океана вверх по набережной дороге, потом поднялся к форту. Уютное местечко облюбовали себе военные. Кругом деревья и тень, что-то вроде карманного скверика с удобными скамеечками вдоль чистеньких дорожек. А праздного народу тут ходит не слишком много, хоть это и центр города. Столпотворение начинается дальше, особенно плотным оно делается у собора, естественно, католического, и

потом перетекает к разношерстным магазинам и магазинчикам, оттуда уже к этническому, шумному рынку – мекке здешних туристов. А форт находится как бы у подножья городской кипучей жизни, хотя и выглядит со стороны вместе с яркими флагами и старинными декоративными пушками, будто пряничный домик из сказки.

На одну из скамеечек гарнизонного сквера присел и я. Это не возбранялось, форт был открыт свободному доступу в дневные, экскурсионные часы, правда, зеваки были тут редки. Фидель запаздывал. Через десять минут я пожалел, что не прикупил в дорогу бутылки с водой или хотя бы сладкой колы, но отойти к ближайшему торговому павильону не рискнул – вдруг по закону подлости, неизменному в подобных случаях, упущу инспектора.

В общем, Фидель запоздал на добрых полчаса, но обижаться с моей стороны было бы неразумно. Я только праздный турист, а инспектор все же человек занятой. Фидель и подлетел к моей скамейке, как паровоз на полном ходу. И также пыхтел, хотя телосложения был скорее щуплого и костистого, чем обильного плотью. Плюхнулся бесцеремонно рядом и немедленно прилепил к своей губе вечную дрянную сигаретку. Я дал ему прикурить.

– Сантименты в другой раз, Луиш, – сразу предупредил Фидель, он и в самом деле спешил, – вы меня вызвали, значит, вам есть что сказать. Вы довольно благоразумны, чтобы не играть в «а ну-ка, угадай!» и пудрить мои несчастные мозги таинственностью. Как набожная сеньора, заставшая в погребке привидение за кражей ее лучшего варенья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dymovskaya_alla/miryanin

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)